

FIN D

18+

НАЙДИ МЕНЯ

ME

now

СЕЙЧАС

КАТИНКА ЭНГЕЛЬ

Катинка Энгель
Найди меня. Сейчас
Серия «Young Adult. Найди меня.
Романтика Катинки Энгель»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70291165
Найди меня. Сейчас: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199081-7

Аннотация

Бестселлер Spiegel!

«Найди меня сейчас» – трогательный и чувственный роман о любви, дружбе, доверии и тайнах прошлого. История, которая дарит надежду.

Она для него – вспышка света в самую темную ночь.

Девятнадцатилетняя Тамсин Уильямс переезжает на другой конец страны, чтобы поступить в колледж и избавиться от чрезмерной опеки родителей. После того как ее предал парень, она пообещала себе больше не заводить отношения. По крайней мере, пока будет изучать литературу. Но потом она встречает очаровательного Риса Болтона. И хотя временами он бывает груб и необщителен, Тамсин не может выкинуть его из головы. Она не знает, что Рис недавно вышел из тюрьмы, где провел шесть лет за преступление, которого не совершал. Ему тяжело приходится

жить в совершенно чужом мире. Его тянет к Тамсин все больше и больше, но сможет ли он доверить ей свою сокровенную тайну?

Для поклонников Моны Кастен, Бьянки Иосивони, Авы Рид, Эммы Скотт и Анны Тодд.

«Эмоциональная и драматичная книга о первом чувстве и втором шансе, которая заставляет биться сердечко чаще! Сломанный юноша, сильная девушка и хрупкая любовь, преодолевающая препятствия, – эта книга, которая заставляет читателя бороться вместе с героями, вызывая то слезы печали, то улыбку радости». – Lifestyle-блогер ollys_books

Содержание

1	9
2	16
3	29
4	42
5	53
6	66
7	72
8	81
9	88
10	92
11	97
12	103
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Катинка Энгель

Найди меня. Сейчас

Kathinka Engel

FINDE MICH. JETZT

© 2019 Piper Verlag GmbH, München/Berlin

© И. Офицерова, перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

КАТИНКА ЭНГЕЛЬ

FIND

НАЙДИ МЕНЯ

ME

now

СЕЙЧАС

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

1

Тамсин

Сегодня день контрастов. День, когда я делаю что-то в последний раз и впервые, день грусти и тихого предвкушения. Я в последний раз проверила почтовый ящик родителей и впервые написала свой новый адрес на посылках, к недовольству почтальона доверху заполненных книгами и пластинками. На похоронах дедушки я попрощалась с самым важным человеком в моей жизни, но в то же время с оптимизмом и интересом жду, что готовит мне будущее.

Уже полчаса я сижу одна в старой детской – в розовом аду, где ничего не отражает меня, но так много говорит о моей маме.

Последних соболезнований от соседей я не вынесла. Сначала протягивали руку моему отцу:

– Мистер Уильямс, сочувствуем вашей утрате. – Потом обнимали маму: – Миссис Уильямс, соболезнуем вам. – И никому не приходило в голову выразить соболезнования мне, хотя я единственный человек в этом доме, для кого умерший что-то значил.

Из кухни доносится звон посуды. Значит, родители внизу и не заявятся сюда неожиданно. Иначе то, что я сижу на полу среди гор одежды и собираю чемодан, вызовет вопросы. Рас-

спросы перейдут в ссору, и тогда мне придется забыть о своих планах. Планах, которые должны изменить мою жизнь. Которые, стоит подумать о них, вызывают в теле волнующее покалывание.

Я сбегу отсюда. Сегодня ночью, пока все будут спать, оставлю Росдэйл и начну новую, студенческую жизнь в Перли, почти в трех тысячах миль отсюда. Я ждала только, чтобы попрощаться с дедушкой. Когда он оставил меня одну, я поняла, что время пришло. Больше ничего не держит меня в этом захолустье. Абсолютно ничего.

Я не стала составлять список вещей, которые надо упаковать. Наверно, это не лучшее решение, но то, что хочу взять с собой, найти легко. Закидываю в чемодан одежду, которую выбирала сама. Все, что мне покупала мама, летит обратно в шкаф. Теперь это я принимаю решения. Дедушкины похороны – последний раз, когда позволила кому-то диктовать, что мне надеть.

Винтажные платья из секонд-хенда, вышитая хиппи-блузка с блошиного рынка, джинсы восьмидесятых из гардероба тети, которые она собиралась выбрасывать, – все это попадает в чемодан. Ничего из этого я не могла носить без того, чтобы родители не морщились, увидев меня. Не раз я отправлялась обратно в комнату надеть «что-нибудь приличное».

Я не только оставляю в Росдэйле строгие правила родителей, но и отказываюсь от надежды когда-нибудь наладить с ними отношения.

Ненадолго задумываюсь, что делать с кружевным бельем. Мне, скорее всего, понадобится замена, если все остальное окажется в стирке. В итоге я высыпаю в чемодан все содержимое ящика.

Живи полной жизнью. Я последую дедушкиному совету. Начиная с этого момента. Сегодня в последний раз играла роль послушной девочки. И впервые приняла значимое решение. У меня на лице расцветает улыбка, когда осознаю, что все это скоро останется в прошлом.

Я уже вижу, как обсуждаю с однокурсниками литературу и работаю в библиотеке, пока не закипит мозг. Хожу с Сэмом на дикие студенческие вечеринки и знакомлюсь с новыми людьми.

Сэм – мой лучший друг, моя лучшая половина. И после всего, что случилось, – единственный мужчина, которому я позволю приблизиться к себе, пока мне не исполнится лет восемьдесят. Долгое время мы были соседями, а потом он уехал учиться в Калифорнию. Сейчас получает ученую степень в Перли. Я собиралась сообщить ему, что у меня изменились планы и я еду в Калифорнию. Но среди приготовлений и похорон до сих пор не нашлось времени ему позволить. Я решила, что текстового сообщения будет недостаточно. Хотелось слышать его голос, когда он узнает эти потрясающие новости.

Когда представляю, что меня ждет, покалывающее ощущение в теле усиливается. Отъезд больше не мечта, а реаль-

ность. Я вытираю влажные ладони о кофту «привет из девяностых», от которой была бы без ума какая-нибудь секретарша предпенсионного возраста, и забрасываю ее в шкаф. Затем сажусь на чемодан, чтобы застегнуть молнию. Надеюсь, швы не разойдутся.

Мой взгляд блуждает по комнате. Ничего из вещей, которые останутся здесь, не имеет для меня значения. В подсвеченной витрине выстроились отвратительные фигурки, которые мама каждый год дарит мне на день рождения, – разумеется, слишком ценные, чтобы в детстве мне разрешали с ними играть. На комодке стоят кубки – свидетельства побед на соревнованиях по правописанию и конкурсах чтецов. Бирюзовое чудовище, притворяющееся бальным платьем, которое мама заставила меня надеть на выпускной, висит на открытой двери в гардеробную. Как ни стараюсь, у меня не получается вспомнить, чтобы мама хоть раз прислушалась к моим желаниям, не говоря уже о том, чтобы отнеслась к ним с уважением. Моя комната – ее интерьер. Мой выпускной бал – ее платье. Мои друзья – ее вердикт.

Я в последний раз ложусь в свою постель. Решаю не раздеваться, чтобы быть готовой, когда в четыре утра зазвонит будильник. На тумбочке лежит потрепанный томик «Винни-Пуха». Прочитываю пару страниц перед сном. Твердо убеждена: если заснуть за чтением, приснится что-то красивое. С книгой в руке, вдыхая неприятный сладковатый запах кондиционера для белья, я медленно закрываю глаза.

Первый звонок будильника – и я мгновенно просыпаюсь. Не уверена, спала ли вообще. Вызываю *Uber*. Дом, адрес которого ввожу, находится за углом. Нельзя допустить, чтобы родителей разбудил звук двигателя. Тихо прокравшись в ванную, чищу зубы и умываюсь. Я выгляжу в зеркале немного иначе, не так, как несколько дней назад. Взрослее. Мне в самом деле больше здесь не место. Вьющиеся каштановые волосы рассыпались по плечам. На меня смотрят широко распахнутые карие глаза. Я улыбаюсь девушке в зеркале, будто пытаюсь сказать, что все правильно. И мое отражение впервые за долгое время уверенно улыбается в ответ.

Я начинаю новую жизнь. Вот о чем говорит мой вид. Новая жизнь. Без дедушки, но и без... Нет, запрещаю себе даже думать о нем. И без родителей, которые предпочли бы вечно удерживать меня в Росдэйле и не оставили мне выбора, когда заявили: «Либо ты учишься здесь, либо не учишься совсем». Но сейчас это я не оставляю им выбора. Я приняла твердое решение жить собственной жизнью. И не позволять им заражать меня своими страхами и опасениями.

Зубная паста и щетка оказываются в рюкзаке вместе с «Винни-Пухом». Эта книга отправляется в свое первое большое приключение. Надеваю рюкзак и поднимаю чемодан на колесиках. Чтобы не шуметь, придется его нести.

До первого этажа добираюсь почти бесшумно. И только тогда позволяю себе выдохнуть. Сердце колотится. Ставлю

чемодан на пол, радуясь, что можно дать рукам немного передохнуть. А потом направляюсь в гостиную. Свет включать не решаюсь и пробираюсь в полумраке на ощупь. Моя рука натывается на дизайнерский стеклянный столик, на котором стоит коллекция суккулентов матери.

Из кармана брюк достаю слегка помятое письмо и прислоняю его к одному из горшков. В нем я сообщаю родителям, что уезжаю в Перли, чтобы жить своей жизнью. Может, это не самый изящный способ попрощаться, но после событий последних дней я не в состоянии вести с ними борьбу. А это будет борьба. Проще поставить их перед фактом. Для них так тоже будет легче. По крайней мере, надеюсь на это.

Напротив стеклянного столика стоит старомодный диван с цветочным узором, к которому нельзя приближаться с едой. Пальцы поглаживают обивку. Захлестнет ли меня сейчас небольшой волной ностальгии или меланхолии? Два шага вперед, и я чуть не врезаюсь в массивный темный секретер, за который родители отдали целое состояние на антикварном аукционе. Это тема номер один для разговоров на скучной вечеринке.

Вернувшись в прихожую, осторожно роюсь в гардеробе. На полке для обуви нахожу любимые кеды. Для родителей они были как бельмо на глазу. По их мнению, в таких ходят только «сомнительные подростки». Но впервые мне совершенно все равно, что они думают или говорят. Я беру куртку, так как по ночам в начале сентября в штате Мэн бывает

довольно холодно.

Когда открываю дверь, мне в лицо дует свежий ночной ветер. Сделав глубокий вдох, переносу через порог чемодан. Аккуратно, сантиметр за сантиметром, прикрываю дверь, пока с тихим щелчком не срабатывает замок. Получилось!

Мне не хватает смелости везти чемодан, так что я несую его по подъездной дорожке. И только когда оказываюсь на улице перед домом, ставлю его на землю и в последний раз оглядываюсь. Сделав из больших и указательных пальцев квадратную рамку, я смотрю сквозь нее на родительский дом. Мне хочется сохранить этот миг в воображаемом фотоальбоме – прощание с Росдэйлом. Я представляю, как опускаю затвор камеры. Этому меня научил дедушка, когда я еще была маленькой. Мне вспоминаются его слова: «Так можно навсегда запечатлеть моменты, которые предназначены для тебя одной». Это первый снимок в моем новом альбоме.

Я иду по темной улице, вокруг ни души. Кроме моих шагов и тихого пыхания, так как чемодан с каждой минутой становится все тяжелее, не слышно ни звука. Свернув за угол, вижу *Uber*.

Водитель, угрюмый пожилой мужчина в бейсболке, без особых усилий поднимает мой чемодан и кладет в багажник.

– Ну, и куда едем? – спрашивает он.

– В аэропорт, пожалуйста, – с дико стучащим сердцем отвечаю я.

2

Рис

– Что ж, мистер Болтон, – говорит Пауэлл, один из охранников, – ради нас всех надеюсь, что мы вас тут больше не увидим.

Впервые меня называли «мистер Болтон». Прошлые шесть лет я был либо «Болтоном», либо «52 899», заключенным тюрьмы Перли для несовершеннолетних.

Пауэлл протягивает мне старый полиэтиленовый пакет.
– Ваши вещи, – произносит он.

В пакете лежат джинсы и футболка – шмотки, которые были на мне, когда меня закрыли здесь в пятнадцать лет. Я уже тогда вырос из них. Без понятия, что мне делать с этим сейчас, но я послушно беру пакет и расписываюсь в получении.

Пауэлл проводит меня по длинному коридору с дверями повышенной безопасности и тамбурами, который отделяет крыло № 2, где я жил последние несколько лет, от выхода. По потолку змеятся металлические и пластиковые трубы, и, кажется, вся эта конструкция гудит.

Кто-то в недрах бездушного здания нажимает на кнопку. Звучит гулкий предупреждающий сигнал – дверь разблокирована. Она автоматически открывается, и я переступаю порог. Наконец свобода. Через шесть гребаных лет. Солн-

це ослепляет, и мне приходится зажмуриться. Я стою на асфальтированной площадке перед тюрьмой для несовершеннолетних и чувствую, что сейчас должно случиться что-то грандиозное. Мир должен поприветствовать меня, Риса Болтона. Но мир не такой, каким был, когда я попрощался с ним в пятнадцать лет. Я ему не нужен, а мне ничего о нем не известно. Мы совершенно чужие друг для друга.

Сделав шаг, оглядываюсь назад. До сих пор не могу поверить. Но дверь, через которую я только что вышел, действительно закрывается... а я все еще стою здесь. Вне высоких стен, которые душат любую радость, любую мечту. Снаружи. Наверно, я должен быть счастлив и чувствовать себя легким как перышко. Но я ничего не чувствую. Лишь замечаю, что джинсы и толстовка с капюшоном, которые дала мне социальная работница, слишком теплые для калифорнийского лета. А толстовка мне еще и велика. Впрочем, в старые вещи, которые лежат в пакете как единственное напоминание о прежней жизни, я бы уже не влез.

У меня не осталось ничего общего с тем мальчишкой из прошлого. Если не сможешь противостоять говнюкам в тюрьме, тебя уничтожат. Теперь я могу проломить череп любому уроду, который подойдет слишком близко.

Хотя я знаю, что нужно делать дальше, продолжаю стоять в нерешительности. Не хочу идти к Эми. Это социальная работница, которая так хорошо разбирается в размерах одежды. Она нашла мне комнату в съемной квартире и устрои-

ла на работу в кафе, где «таким людям», как я, дают второй шанс. Эми написала мне адрес соцслужбы, мне нужно отметить там, когда я «окажусь на свободе». Но у меня нет желания. Ни общаться с Эми, ни смотреть комнату, ни идти на работу. Я хочу остаться здесь и однажды просто раствориться в воздухе. Исчезнуть. Эта жизнь не для меня. Для кого-то другого – да. Но не для меня. А для меня все кончено.

Но есть одна вещь, в которой я себе поклялся. Одна мысль, которая помогала мне держаться. Образ возникает у меня в голове. Картинка размыта, много времени прошло. Но я цепляюсь за нее. И вдруг понимаю, что иду вперед. Может, дело еще и в том, что подошвы ботинок (которые мне малы) слишком тонкие и горячий асфальт начинает обжигать ступни. У меня, по крайней мере, есть цель. А чтобы ее достигнуть, я должен знать, где *он* их прячет. Для этого мне потребуется доступ в интернет. А значит, мне нужны берлога и ноутбук. Для чего, в свою очередь, мне нужна работа. А следовательно, мне не обойтись без Эми.

У меня нет ни цента на автобус, который ходит раз в час, если верить расписанию, хотя в нем сложно что-то разоб-
брать, настолько оно пожелтело. Ко всему прочему, кто-то написал на нем перманентным маркером свои чертовы инициалы.

Так что я иду пешком. Придется пересечь мой старый район. *Наши* старый район. Думаю, не отправиться ли в об-

ход, чтобы не видеть наш дом, воплощение пустоты, которую я ощущаю. Потому что их там больше нет.

Любопытство побеждает, поэтому я продолжаю шагать вперед по раскаленной дороге. В полосках травы по обеим сторонам громко стрекочут сверчки. Тротуара нет, но тут почти не ездят машины. Добравшись до первых домов, я поражаюсь, как же здесь хреново. Вероятно, в воспоминаниях я приукрасил место, где родился, как и свою невеселую жизнь. Окна смотрят на меня черными дырами. Во двориках перед домами валяется мусор, медленно обрастая сорняками.

Я сворачиваю на нашу улицу. У обочины припарковано несколько грязных машин, которые видали лучшие времена. Из дома раздается детский крик и тут же стихает. В этом районе проблемы и споры решаются без слов.

Через силу переставляю ноги, почти не осмеливаясь поднимать взгляд. От дома, в котором провел детство, меня отделяют метров сто. Я заставляю себя продолжать идти. Мне необходимо почувствовать эту боль. В последний раз.

Остановившись перед входом, поднимаю глаза. Маленький ветхий домик. Серый фасад в трещинах. Шаткая деревянная лестница ведет к двери с рваной москитной сеткой.

Судя по всему, в доме кто-то живет, потому что я замечаю в окнах новые шторы. Смотрю на второй этаж. Там, наверху, была моя комната. Комната, из которой выволокли меня, невиновного пятнадцатилетнего подростка. У меня внутри

все сжимается. Я слышу детский смех из прошлого и как мама гремит посудой на кухне. И его рев. Его ярость.

Я отворачиваюсь. Быстро иду дальше. Для меня это место умерло. Нужно найти другой дом, где зло не доберется до нас. Я стану сильным ради нас. Сильнее, чем когда-либо. Я справлюсь. С жизнью, со свободой. При этой мысли на меня накатывает тошнота, и я опираюсь на капот машины, потому что мне вдруг становится нечем дышать. Ржавый металл уже успел нагреться, и я чуть не обжигаю пальцы.

Мне нужна помощь Эми.

Полчаса спустя я оказываюсь перед разваливающимся зданием, на втором этаже которого находится офис соцслужбы. Звонок висит на торчащих из стены проводах, и я даже не пробую на него нажать. Открываю стеклянную дверь, к внутренней стороне которой прилеплены листовки. Реабилитационные клиники, группы самопомощи, телефон службы душепопечительства¹, вся бесполезная дребедень, к которой прибегают, когда уже не на что надеяться. Но «эй, позвони нам, и все наладится!». Да, конечно. Скорее уж «позвони нам, чтобы мы могли успокоить свою нечистую совесть».

Надеюсь, Эми не такая. Она приходила ко мне пару раз за последние несколько недель и казалась адекватной. Не то чтобы это имело значение, но я не средство для достижения

¹ Душепопечительство – духовное наставничество, психологическая помощь священника прихожанину церкви. (Здесь и далее примечания переводчика.)

чьей-то цели. Я здесь определенно не для того, чтобы успокаивать ее совесть, если именно это ее волнует.

На лестничной клетке после прогулки по ужасной жаре меня встречает приятная прохлада. Я вытираю лоб рукавом и поднимаюсь по ступенькам. Стены увешаны плакатами дурацких программ. Подростки-правонарушители, которых надо вернуть в общество, но исправительные курсы – не для меня. Добравшись до площадки, пару секунд колеблюсь. Что, если я не отмечусь у Эми и никогда больше не вернусь в эту дыру, где нет ничего, кроме страданий и отчаяния?

Но, конечно, я вхожу. Так привык к тому, что у меня нет выбора, что постоянно подчиняюсь. Насколько же я жалок. Ни малейшего представления о современном мире, ни воли, ни драйва.

Эми сидит за письменным столом, заваленным папками и документами. Она поднимает голову и улыбается мне.

– Привет, Рис! Ты уже здесь! А я думала, ты придешь только во второй половине дня, – слишком громко восклицает она. Похоже, мое освобождение воодушевляет ее сильнее, чем меня.

– Привет, – коротко отзываюсь я. У меня нет настроения для непринужденной беседы.

Она дружелюбно улыбается. Светлые волосы собраны на затылке в небрежный хвост. Она выглядит расслаблен-

ной. В отличие от меня. Я не знаю, куда встать, куда деть руки. Мне тут не место. Эми поднимается и дает мне знак следовать за ней. В соседней комнате обустроен уютный уголок. Она садится в кресло, а я опускаюсь на диван.

– Что ж, давай посмотрим, что нам с тобой делать. Для начала: у тебя есть какие-нибудь вопросы? Ты ведь уже знаешь, что я нашла тебе жилье и работу?

– Да, все нормально. – Я и правда не хочу разговаривать. Для меня все это чересчур: офис соцслужбы, Эми, все.

– Ладно, ты в курсе, что всегда можешь приходить сюда, если что-то случится. И я бы хотела – если ты не против – первое время иногда заглядывать к тебе на работу или домой. Только чтобы удостовериться, что все хорошо.

– Мхм. – Звучит фантастически. Хренова свобода, но под надзором, так, что ли?

– Великолепно. Спасибо за доверие, я это ценю. Это очень много значит.

Она закидывает ногу на ногу, берет папку и протягивает мне несколько листков.

– Вот твой адрес. Пока ты поживешь в квартире один. Но твоей будет только одна комната. Вторую скоро сдадут. К сожалению, у молодого человека, с которым ты должен был жить, случился рецидив. С этим всегда сложно. – Последние слова она произносит чуть тише. Будто ее действительно волнует, что происходит с нами, бедными ублюдками. – Кафе, где ты сможешь работать, – это часть программы

ресоциализации. Твой шеф – хороший человек. По-настоящему добрый парень, который активно занимается социальными проектами в Перли. Большинство твоих коллег – студенты. Но не всех легко пристроить.

Я хмыкаю. *Легко пристроить* – звучит потрясающе! Будто я хренов уличный кот. Не нужно мне одолжений. Сам справлюсь. Но я этого не говорю. Держу рот на замке.

Эми с улыбкой продолжает:

– Итак, раз ты пришел так рано, давай я для начала отведу тебя домой. – *Домой*. Она в самом деле сказала *домой*. Я даже не представляю, что это означает. – У тебя есть какие-нибудь вещи?

Указываю на полиэтиленовый пакет. Больше у меня ничего нет – и шесть лет назад тоже не было. Да и откуда что-то могло взяться? Он все у меня отнял. *Он*. Опять он. Снова в моих мыслях. Вместе с ним вспоминается другое лицо. Красивое, дружелюбное. Но я заставляю себя не думать о нем. Пока рано.

– Кроме этого, ничего. Только шмотки, которые ты мне принесла. Спасибо, кстати. – Последние слова я бормочу себе под нос.

– Нет проблем. Я определенно ошиблась с размером. Впрочем, в оправдание должна сказать, что выбор у меня небольшой. Одежда, которая поступает к нам, редко кому-то подходит. Предыдущий владелец твоей толстовки, похоже, был гораздо толще тебя. – Она снова улыбается, и я делаю ей

одоление и улыбаюсь в ответ. Странное ощущение. Фальшивое. Я снова опускаю уголки рта. – Если хочешь, можешь посмотреть в кладовке, может, тебе что-нибудь приглянется.

– О'кей, – откликаюсь я. Неплохо иметь хоть какой-то выбор. Наверняка пройдет несколько месяцев, прежде чем мне удастся претворить план в жизнь. Я даже не знаю, с чего начать поиски. Нельзя же все это время ходить в этом уродливом мешке.

Эми поднимается, и я иду за ней. Она выходит из кабинета и отпирает другую дверь на том же этаже. За ней находится что-то вроде огромного чулана. Слегка пахнет затхлостью. Включив свет, Эми показывает мне несколько стоек с одеждой.

– Вот, можешь спокойно здесь покопаться. А я пока пойду покурю... да, знаю, не должна курить, – добавляет она, потупив глаза.

Я пожимаю плечами. Мне все равно.

– Спускайся, когда закончишь. И мы пойдем. Здесь есть мусорные мешки, закидывай туда все, что понравится. – Сказав все это, она разворачивается и уходит.

Я рад возможности побыть одному. Жутко напрягает, когда рядом с тобой постоянно кто-то болтает. Я прохожу к вешалкам. Немного порывшись в одежде, нахожу джинсы, которые, кажется, должны мне подойти, и четыре футболки. Замечаю на полу пару стоптанных кроссовок моего размера. Свою слишком маленькую обувь и пакет с вещами остав-

ляю в кладовке. Остальное закидываю в мусорный мешок, выключаю свет и отправляюсь искать Эми. Несмотря на то что мне на нее наплевать, а я для нее – всего лишь работа, сейчас она моя единственная точка опоры в жизни.

Девушка стоит перед зданием и курит. А при виде меня улыбается и предлагает пачку сигарет. Я беру одну. Эми щелкает зажигалкой, и я глубоко затягиваюсь.

– Спасибо, – искренне говорю я. Сигарета дарит мне невероятное удовольствие, и благодаря ей жизнь кажется чуть менее странной. Это что-то привычное в чужом мире. Прислонившись к стене, закрываю глаза.

– Наверняка для тебя все это чересчур, – произносит Эми. Она серьезно никогда не умолкает? – Но я рядом, хорошо? – Она указывает на мусорный мешок. – Здорово, что у тебя получилось что-то подобрать. Скоро сможешь купить себе что-нибудь новое. Но для начала это лучше, чем ничего.

Я киваю:

– Да, все нормально. – На самом деле сомневаюсь, что на зарплату удастся что-то купить. Ее хватит только на оплату квартиры и продукты. Я делаю еще одну глубокую затяжку.

– Ну, пошли? – спрашивает Эми. Судя по всему, ей не терпится.

– Конечно, – отвечаю я.

В районе, где мне придется жить, большинство зданий снесено. Моя квартира находится в многоэтажном доме, сле-

ва и справа от которого раньше стояли другие здания, но сохранилось только это. Штукатурка на нем осыпается.

Эми отпирает одну из дверей на втором этаже и отдает ключ мне. Внутри витает странный запах. Моя комната маленькая и душная. В ней – односпальная кровать, комод, стол и хлипкий на вид стул. Стены голые. Но я не успеваю толком осмотреться в этой обшарпанной берлоге, когда Эми предлагает зайти в кафе «У Мала». Так я смогу представиться и со всем познакомиться. Она и правда времени даром не тратит. Сам я предпочел бы завалиться на кровать и проспать целую неделю, насколько я устал. Но как, говорится, время – деньги. А деньги – это начало всего, что я задумал.

В кафе меня представляют Малкольму. Он хозяин заведения и явно рад видеть Эми... и меня тоже. После обычных фраз приветствия он похлопывает меня по плечу. Я вздрагиваю. Не хочу, чтобы меня трогали, тем более мужик, которого я знаю две чертовых минуты.

– Уверена, Рису здесь будет хорошо, – уверяет Эми. – Верно, Рис?

– Мхм, – бурчу я. Без понятия, что еще сказать.

Мы вместе идем на кухню, вход в которую находится за стойкой. Там невыносимо жарко.

– Привет, чувак, – кричит веселый южноамериканец, нарезающий овощи на столешнице из нержавеющей стали.

И подставляет руку, чтобы я дал ему пять. – Я Эрнесто, но все зовут меня Че.

– Привет, – отвечаю я и бью ему по ладони. – Рис.

– Рад познакомиться! Наконец-то настоящий парень – если не считать Олли. – Он заговорщицки понижает голос: – Олли – лесбиянка.

За этот комментарий Малкольм несильно пихает его в плечо. Видимо, ему и правда нравится прикасаться к другим людям. Оба громко смеются. Я пробую изобразить улыбку, но она снова получается такой фальшивой, что я решаю больше не пытаться.

Мы оставляем Че на кухне, и Малкольм вводит меня в курс дела. Кофемашина, кофе, молоко, стаканчики, крышки. Чашки для посетителей, которые хотят посидеть у нас. Ведра и тряпки, чтобы протирать столы. Маффины, брауни, пончики. Он сует мне в руки фартук и заявляет:

– Ты будешь делить смены с Олли и Лиз, которая приходит, когда не хватает людей. Сегодня они обе заболели, поэтому я тут один. Как думаешь, сможешь прямо сейчас приступить к работе?

– Э-э-э, – тяну я, потому что не рассчитывал на такое. Сейчас мне хочется побыть в одиночестве.

– Не знаю, хорошая ли это идея, – вмешивается Эми. – Рис еще не успел освоиться.

– О, вот как, извини, Рис. Без проблем. Тогда начнешь послезавтра, как планировалось. Вот расписание смен. – Он

вручает мне распечатку. – Эми, можно тебя на пару слов?

– Конечно, для тебя у меня всегда есть время, – с улыбкой откликается она.

Они проходят за занавеску в заднюю комнату. Наконец у меня появляется несколько минут, чтобы осмотреться. Кофейня выглядит неплохо, хотя что я в этом понимаю? Не то чтобы в последнее время я бывал во многих. Мне нравится дерево, из которого сделаны столы. На стенах висят картины. На табличке написано, что их нарисовали местные художники.

Я поворачиваюсь к кофемашине и вздыхаю.

3

Тамсин

Нагруженная багажом, я стою перед многоквартирным домом, испещренным граффити, и жду агента по недвижимости, которая должна принести ключ. Ощущаю, как накалывает легкая тошнота, но игнорирую ее. Да, несколько дней назад я в спешке сняла квартиру через интернет. Да, она была первой, которую я нашла. И да, оглядываясь назад, можно сказать, это немного безрассудно. Но разве не все настоящие приключения начинаются с легкого безумия? Я приехала на пятнадцать минут раньше и решаю позвонить родителям. Наверняка они уже обнаружили мое письмо.

Когда раздается длинный гудок, я начинаю нервничать. Представляю маму и папу: в ужасе от собственной дочери, в шоке от того, что она сбежала. Гудки продолжаются, и я уже собираюсь сбросить вызов, когда слышу, что кто-то берет трубку.

– Алло, это Тамсин, – говорю я. – Хотела сказать, что я хорошо добралась.

На линии воцаряется тишина. Ладно, вероятно, этого следовало ожидать. План взять и исчезнуть неожиданно кажется мне глупым. С другой стороны, родители дали мне понять, что сделают все, чтобы удержать меня в Росдэйле.

– То, что ты так с нами обошлась, – вдруг шепчет мама. – Это непростительно.

– Прости, мам, – отвечаю я. – Я должна была так поступить. Ради себя. Вы не оставили мне выбора. Ты ведь сама знаешь, что вы бы меня не отпустили.

– Разумеется, нет! – Она повышает голос, что, судя по всему, привлекает внимание моего отца. Слышно, как он кричит:

– Ты же не с ней сейчас разговариваешь? Немедленно клади трубку, Франсин. **КЛАДИ ТРУБКУ, Я СКАЗАЛ!**

– Мне пора, – произносит мама и отключается.

Я с трудом сглатываю. Понятно, что я обидела родителей. И мне самой было нелегко это сделать. Но мама только что подтвердила, что они бы меня не отпустили. У меня не осталось выбора.

Я стараюсь широко улыбаться, когда прощаюсь с агентом и наконец закрываю за ней дверь своей квартиры. Впрочем, «квартира» – это, наверное, громко сказано, но да, это мое жилье. Закрыв глаза, глубоко вдыхаю. Затем разворачиваюсь и прохожу из крошечной прихожей мимо ванной в *свою комнату*.

Подходящий момент для фото. Мой новый дом.

– Щелк, – произношу я, делая мысленный снимок того, что меня окружает.

Мне здесь нравится. Нравятся обои, в стиле пятидесятых

и наполовину оборванные. Нравится влажное пятно в углу над потертым бархатным креслом. Оно напоминает мне акварель, и это хорошо, потому что я не желаю знать о его истинном происхождении. Мне нравится вид из полуслепых окон. Одно выходит на дорогу, по обеим сторонам которой припаркованы машины. Через дорогу расположено кафе, которое я заметила, еще когда ждала на улице. Из второго окна открывается вид на стену расположенного метрах в двух от моего дома офисного комплекса, где определено должны сбываться мечты. Стартапы и креативная работа. Чем бы я занималась, будь у меня личный офис? Начинаю мечтать. Открыла бы литературное агентство. Или литературный журнал. Или... Я падаю на кровать. Ауч! А вот матрас – это уже чересчур. В спину впивается пружина, и я решаю, что моей первой покупкой должен стать матрас. Мысленно составляю список. Помимо матраса мне понадобятся книжный стеллаж, занавеска для душа, второй стул. Наверняка скоро вспомню что-то еще, но сейчас я так довольна, что не хочу задумываться о том, чего еще не хватает. *«Живи полной жизнью»*, – говорю я себе.

Я справилась. Действительно, уехала. Из Мэна в Калифорнию. Осмелилась. И сделала это с легкостью. Чувствую себя такой свободной, словно парю. Если бы еще не назойливая вибрация смартфона, который оповещает об уже, наверное, сотом сообщении за неделю. «Где ты?», «Ответь мне!»,

«Позволь все объяснить», «Дай мне еще один шанс». Я собираюсь их игнорировать, не хочу портить момент. Свободная от мужчин зона. Вот чем станет эта квартира.

После еще одного тщательного осмотра нового жилища начинаю распаковывать вещи. Одежду развешиваю на стойке на колесиках. Остальное раскладываю по ящикам в маленьком комод, который стоит под окном. «Винни-Пуха» кладу на тумбочку. Кажется, будто эта книга всегда хранилась здесь. Туалетные принадлежности отношу в ванную. Бросив взгляд в зеркало, отмечаю, что тоже выгляжу так, будто *мне* тут самое место. Наконец ставлю две фотографии в рамках. На одной запечатлены мы с бабушкой.

Большим пальцем поглаживаю снимок. Я бесконечно благодарна этому фантастическому человеку за все, что он для меня сделал. С ним я научилась быть самой собой, пусть в основном мне приходилось скрывать эту «саму себя». Тем, что я сейчас здесь, в Перли, я в основном обязана ему. Через некоторое время после его смерти мне позвонил некий «мистер Портер из “Портер, Бек и Силсфилд”», юридической фирмы в Росдэйле. Он сообщил, что бабушка завещал мне шестьдесят тысяч долларов. Я чуть не упала со стула – и тогда же приняла решение. Решение начать по-настоящему жить и выбраться из пуританского ада Росдэйла и родительского дома, где я никогда не чувствовала себя свободной.

На втором фото мы с Сэмом в детстве. Этот кадр сделан вскоре после того, как его семья переехала в дом по сосед-

ству. Видно, что шестилетняя я боготворю его, в то время как Сэм явно не в восторге от такого внимания. Обожаю этот снимок. Дружба, в которую переросла моя детская влюбленность, продержалась так долго, несмотря на разницу в возрасте. А теперь мы снова в одном городе! При мысли о Сэме у меня на лице расцветает улыбка.

А ведь он до сих пор не в курсе, что я провернула тайную ночную операцию, собрала вещи и уехала в Перли. Из-за эмоциональной взвинченности и всей этой суеты дома у меня не было возможности позвонить, учитывая разницу во времени. Взяв мобильный, набираю его номер. Сэм отвечает после второго гудка.

– Тамсин! – с преувеличенным энтузиазмом приветствует меня друг.

– Сэм! – копирую его восторг я.

– Вот это сюрприз. Что нового?

Да, что нового? Удивительно банальный вопрос, если сравнивать с ответом, который он вот-вот услышит.

– Я в Перли, – с улыбкой объявляю я. Как быстро бьется сердце. Надеюсь, он обрадуется.

– Что? Почему ты не сказала, что приедешь в гости? Меня не будет в городе до воскресенья!

– Не в гости. Я переехала. Учиться, – уточняю я.

– Что, прости? – У него вырывается смешок. – И когда ты решила это сделать?

– Расскажу, когда увидимся. Это длинная история. Пом-

нишь, как пару месяцев назад мы с тобой в шутку переделали мое заявление, чтобы отправить его и в Университет Перли?

– Конечно, помню, – говорит Сэм. – В тот вечер твой отец прервал наш разговор в скайпе, потому что за ужином ты неуважительно пошутила о республиканцах.

– Именно. Ты сказал, что будешь брать меня на студенческие вечеринки и водить по кафе и барам. Знаю, тогда мы просто шутили, но, если предложение еще в силе, я бы хотела его принять.

– Естественно, в силе! – В его голосе все еще звучат нотки недоверия. Но не досады. Кажется, он ухмыляется. – Ты реально сумасшедшая, Тамсин. Всю неделю я буду в летней школе, но можем встретиться в воскресенье вечером. Забронировать нам столик в моем любимом итальянском ресторане?

– Я с удовольствием.

– Отлично. Значит, идем на свидание.

Не идем мы ни на какое свидание. Сэм ходит на свидания со многими студентками, но уж точно не со мной.

Невероятно. Я буду учиться в том же университете, где получает степень Сэм. Да, придется посещать несколько общих лекций, прежде чем полностью сосредоточиться на литературе, но я и их жду с нетерпением. Школы мне никогда не хватало. Я всегда тянулась к новым знаниям в других областях, за исключением тригонометрии. Мне хотелось понять, как устроен мир, а не собирать поверхностные сведе-

ния о нем. Теперь я получу такую возможность в Университете Перли. Жду не дождусь, когда наконец начнется осенний триместр.

Так и вижу, как читаю книги в кресле, занимаюсь в библиотеке... или в кафе. Как настоящая студентка. Одна мысль об этом пробуждает во мне жажду открытий. Возможно, кафе напротив окажется подходящим местом для работы и чтения. Я решаю заглянуть туда и попробовать кофе.

У меня в кармане шуршит несколько мелких купюр. Уверена, кто-то бы раскритиковал меня за неаккуратное обращение с деньгами. Существуют ведь кошельки. Но эти люди – узники прошлого, а мне кажется, очень удобно, когда не надо даже искать этот кошелек.

Из-за дверей, мимо которых прохожу, спускаясь по лестнице, доносится шум. В квартире, которая находится под моей, работает телевизор. Еще этажом ниже женщина громко разговаривает по телефону. Где-то, судя по всему, идет жаркий спор. Пускай мне и не верится, что этот район опасен, – по крайней мере, агент по недвижимости уверяла, что со мной тут все будет в порядке, – низкая арендная плата, очевидно, привлекает не только студентов вроде меня.

Солнце нещадно поджаривает асфальт. В отличие от Мэна, в Калифорнии в начале сентября еще летняя жара. Кафе «У Мала» на противоположной стороне улицы выглядит очень уютным. Сквозь панорамное окно слева от двери

мне виден зал. Внутри стоят разноцветные деревянные столики и стулья. Я перехожу улицу, а когда открываю дверь, раздаётся звон колокольчика, оповещающего о новом посетителе. Переступив порог, вдыхаю пьянящий аромат свежесваренного кофе. На стенах развешаны картины местных художников, которые можно купить. Яркое сочетание абстрактного искусства и ландшафтной живописи. Да, хорошее место.

На кофейной стойке я замечаю высокие вазочки с печеньем и старомодный кассовый аппарат. Бариста медленно оборачивается и бросает на меня странный взгляд. Выражение его лица представляет смесь растерянности и паники. Что происходит?

– Привет, – здороваюсь, но он лишь коротко кивает. – Я только сюда переехала, – признаюсь я, чтобы разрядить обстановку. – Ищу новое любимое кафе.

Он смотрит на меня, словно понятия не имеет, чего я от него хочу. В калифорнийских кофейнях другая культура общения? Здесь не принято завязывать непринужденную беседу?

– Чтоооо ж, – тяну я, изучая меловую доску над блестящей серебристой кофемашиной. Там представлены самые разные кофейные напитки. – Думаю, я возьму... – Слегка теряюсь от обилия вариантов фраппучино и латте. – Думаю, возьму просто черный кофе.

Я широко улыбаюсь баристе, но лицо парня остается

непроницаемым. Он пристально смотрит на меня льди-сто-голубыми глазами.

– Я, ну, хм... – бормочет он и прочищает горло. – На самом деле я еще здесь не работаю. – Он опускает глаза.

– О, вот как, извини. Получается, мы оба тут новенькие, – говорю я и смеюсь. – Я Тамсин. Странное имя, знаю.

Начинаю чувствовать себя глупо. Этот тип меня немного пугает, хотя он довольно симпатичный. Я, конечно, за-реклаась связываться с парнями, но сложно устоять против его притягивающей взгляд красоты. Может, сделать еще одну попытку? Я откашливаюсь.

– Могу подождать, нет проблем, – говорю, чтобы сгладить неловкость ситуации. Станный парень вообще не реагирует. Даже если он новенький, это не повод вести себя так грубо. Он либо тупица, либо очень невоспитанный.

– Мой шеф сейчас придет и приготовит вам кофе, – в конце концов снисходит он до ответа.

В этот момент отодвигается занавеска и из соседнего помещения выходят милая девушка и пожилой мужчина.

– А, добрый день, – здоровается мужчина. – Я могу вам чем-то помочь?

– Да, я бы хотела черный кофе. – Поверить не могу, что все-таки получу напиток.

Пока жду, незаметно наблюдаю за блондинкой и мисте-ром Грубияном. Она говорит ему что-то странное. Мне мало удается разобрать, потому что девушка старается понизить

голос, но тем не менее я улавливаю обрывки фраз.

— ...не так плохо для первого дня... станет легче... я рядом.

Хотелось бы знать, о чем речь, но не собираюсь подслушивать. Поэтому беру стаканчик с кофе, расплачиваюсь и направляюсь к двери. К сожалению, эти двое преграждают мне путь, и, пробормотав извинения, я протискиваюсь между ними. При этом задеваю рукой парня, и тот отшатывается от меня, как от прокаженной. Ничего подобного со мной никогда не случилось!

На улице оглядываюсь и едва заметно качаю головой. Может, поблизости найдется другая кофейня, где я смогу воплотить мечту стать студенткой, которая изучает литературу и пьет кофе?

На следующий день приходят коробки с книгами. Как же я рада, что не испугалась высокой цены за экспресс-доставку. В непривычной обстановке так приятно окружить себя знакомыми вещами. Когда открываю коробки, комнату наполняет аромат дедушкиной библиотеки, который напоминает об уюте и счастливых моментах, пожелтевших страницах и книжной пыли. Вспоминается квартира дедушки. Вот бы он увидел, как у меня тут здорово! В конце концов, последние девятнадцать лет он был для меня союзником, родственной душой. Единственным, с кем чувствовала, что меня понимают и обо мне заботятся.

Это он научил меня в пять лет читать. Он показал, что в книгах можно найти свободу, по которой я тосковала, сидя на защитных чехлах дивана в нашей гостиной, в пуританском Росдэйле.

Нет ничего удивительного, что родители запрещали мне навещать дедушку. Но какой бы послушной я ни была, это правило нарушала снова и снова. Никакое наказание не удержало бы меня на расстоянии от деревянных стеллажей из темного дерева, забитых прекрасными изданиями классики. Почти каждый день я проводила, сидя в библиотеке дедушки в удобном кожаном кресле для чтения, с головой погружившись в другие миры.

Дедушкина квартира стала для меня единственным местом в Росдэйле, где я чувствовала, что могу быть собой. Здесь мне не нужно было держать спину прямо, а руки опущенными по швам.

Стряхнув давящее ощущение, которое накатывает при мысли о родительском доме, возвращаюсь к коробкам.

На улице перед кафе я нашла старые ящики из-под фруктов и решила использовать их как книжные полки. Достаяю из коробок одну книгу за другой, будто сокровища, и расставляю на ящиках. Теперь тут и правда можно жить. Поэтому, книги создают уют и привносят жизнь в любую комнату. И дело не только в красочных корешках, благодаря им можно многое узнать о человеке. Я как-то встречалась с парнем, в комнате у которого было всего четыре книги. И все

о правильном питании и фитнесе. Мне быстро стало ясно, что у нас ничего не получится. С другим парнем получилось иначе. У него было много интересов, планов, целей. И как можно так обмануться в человеке? Но не важно. Сейчас речь не о нем. А обо мне!

Словно по волшебству при воспоминании о нем у меня вибрирует телефон.

Ты не можешь вечно меня игнорировать.

О, еще как могу.

Пластинки кладу около самодельного стеллажа. Отец насмеялся над моей коллекцией. Звук недостаточно хорош, винил слишком чувствителен. Но я люблю это скрипучее звучание и ощущение, что музыка – нечто хрупкое и драгоценное. *The Velvet Underground, The Smiths, Nico, Talking Heads, The Clash*. Я поглаживаю обложку каждой пластинки. Теперь мне нужен проигрыватель. Тот, который у меня был, остался дома, потому что не пережил бы такое путешествие.

Я составляю список того, что необходимо успеть сделать до начала учебы.

В этот список вношу:

- подтвердить зачисление в университет
- онлайн-регистрация на университетские курсы
- купить матрас
- найти проигрыватель
- успокоить маму с папой
- изучить окрестности и – надеюсь – найти другое кафе

Итак, у меня есть план, но все же останется достаточно времени, чтобы встретиться с Сэмом, почитать, познакомиться с кампусом и насладиться последними свободными деньками. Разве жизнь не прекрасна!

4

Рис

Следующие дни пролетают как во сне. Я много сплю, наслаждаюсь тишиной. Никто не храпит, рано утром меня не будит ужасный яркий свет. Я подолгу принимаю душ и не могу поверить, что совершенно один. Иногда мне кажется, будто слышу мужские голоса, но они мне только мерещатся. Впервые за столько времени я осознаю свое тело. Мои ладони наносят мыло на грудь и ощущают мускулы под кожей. Я напрягаю их. В тюрьме они означают защиту. Я тренировался, чтобы быть способным постоять за себя. Сейчас же... не знаю. Ничто из того, что делаю, не служит конкретной цели. Дело больше не в выживании. Речь идет о жизни, а в ней я ничего не смыслю.

Так странно ощущать прикосновения. Похлопывания Малкольма по плечу, рука той болтливой девчонки из кафе у меня на груди, мои ладони, под которыми пенится мыло. С одной стороны, я не чувствую ничего особенного – будто нервы притупились. С другой стороны, как никогда прежде остро реагирую на любой тактильный контакт. Не могу сказать, нравится ли мне, когда ко мне прикасаются. Знаю, что это меня пугает. В близости я вижу угрозу. И кто может меня в этом винить после всего? Но мне необходимо научиться-

ся снова подпускать к себе людей. Иначе мой план обречен на провал.

Во время первой прогулки в этом новом для меня мире я отправляюсь на поиски интернет-кафе. Раньше они были на каждом шагу. Но сейчас, похоже, практически исчезли.

Я ухожу дальше и дальше от дома, от единственного места, где могу почувствовать себя в безопасности. Лежа на ковре в своей комнате, глядя в потолок.

Я направляюсь к центру города. На улицах все больше людей. Становится шумнее и ярче. Центральная часть Перли красочная и оживленная. Особенно когда студенты возвращаются после летних каникул, как сейчас, и рестораны, кафе и бутики, выстроившиеся вдоль улиц, переполнены. Совершенная противоположность тому, как я себя ощущаю. Перли кажется не таким большим, когда нет студентов. Но стоит начаться учебному году, число жителей вырастает, наверное, тысяч до восьмидесяти. И теперь у меня возникает ощущение, что все эти восемьдесят тысяч вышли на улицы. Я иду против потока людей. Приходится вилять то влево, то вправо, чтобы не подходить ни к кому слишком близко. Или чтобы никто не подходил ко мне. Кажется, на меня не обращают внимания, но я с необычной ясностью замечаю каждое движение. Мимо проезжают машины, и всякий раз я вздрагиваю. Отвык от городского шума.

Прохожу мимо небольшого кинотеатра. Это белое здание

в стиле ар-деко. Белые щиты с черными буквами рекламируют старые фильмы. На мгновение у меня появляется чувство, словно время остановилось. Помню, как тайком пробирался сюда на сеансы, потому что денег на билет никогда не хватало. Моргнув, я возвращаюсь в настоящее, понимая, что с тех пор, как был здесь в последний раз, прошло шесть лет. За перекрестком начинается зона ресторанов и баров. Вывеска на киоске с хот-догами объявляет, что здесь продаются лучшие хот-доги во всей Калифорнии. Хотя в желудке урчит, у меня нет аппетита.

Мне навстречу движется группа молодых людей – вероятно, студентов. Я не знаю, как реагировать. Их слишком много, чтобы я мог увернуться. Они смеются, хлопают друг друга по плечам. Трое парней и четыре девушки. Подходят все ближе, а я застываю. Один смотрит на меня и хмурится, потому что ему приходится меня обходить. Когда они проходят мимо, я еще долго стою на месте, словно окаменев. Пытаюсь ровно дышать, чтобы успокоить пульс. Это перебор.

Я сворачиваю в менее оживленный переулок. Ночная жизнь здесь бурлит, а днем тихо. Некоторые бары, конечно, уже открыты, но так рано в них еще мало народу.

Перед входом, откуда доносится музыка, стоит мужчина и курит. Я подхожу к нему.

– Простите, у вас не найдется сигаретки? – спрашиваю дрожащим голосом. Потом откашливаюсь.

– Ну конечно, – с улыбкой говорит он, протягивает мне

пачку и зажигалку, и я закуриваю.

– Спасибо. – Глубоко затянувшись, ощущаю, что начинаю успокаиваться. Я сам себе кажусь странным. Выбит из колеи городской жизнью. Оглянувшись в сторону главной улицы, думаю, что выкрашенные в яркие цвета дома с навесами, столы и стулья, вынесенные на тротуары, представляют почти идиллическую картину. Это не город угрожает мне. Это я нарушаю идиллию.

Я вновь поворачиваюсь к мужчине, который выбрасывает сигарету. Решаю не упускать шанс.

– Вы, случайно, не знаете, здесь поблизости есть интернет-кафе? – спрашиваю я и делаю еще одну затяжку.

– Интернет-кафе? – недоверчиво повторяет он, а когда я киваю, отвечает: – Такие заведения больше не могут платить арендную плату на главной улице. Сам видишь, что пользуется спросом. – Он указывает на бары и рестораны. – Но в той стороне справа есть компьютерный магазин, и интернет там тоже есть.

Я благодарю, и мужчина кивает, возвращаясь в бар.

Сотрудник «Мира компьютеров» выделяет мне один ноутбук, и я пускаю в действие все свои навыки по части интернета. Однако быстро выясняется, что от курсов, которые предоставлялись в тюрьме, толку мало. Но, по крайней мере, я умею пользоваться поисковыми системами и погружаюсь в чтение материалов о поиске людей. Потом создаю се-

бе электронный адрес и профили в социальных сетях. Когда меня забрали, у нас дома не было компьютера. Вот почему я никогда не пользовался соцсетями. Я мало сообщаю о себе, у меня даже фотографий нет. Одно за другим ввожу имена членов семьи в разных вариантах поиска. Но после того, как ни один из запросов не дает результатов, решаю, что тут требуется систематичный подход. Интернет-кафе стоит слишком дорого, чтобы тратить время впустую. Надо подготовить список имен из прошлого. Надеюсь, удастся вспомнить достаточно.

Мне так и не пришла идея лучше, как выяснить, куда *они* их увез.

Первые смены в кафе «У Мала» проходят неплохо. Чаще всего со мной работает Олли и берет на себя клиентов. Я наблюдаю, как она общается с посетителями, желает им хорошего дня, здоровается. В остальном она мало разговаривает, и мне это нравится. У нее все лицо в пирсинге, черные короткие волосы и стрижка андеркат. Она носит драные джинсы и выцветшие футболки. Кажется, эта девушка через многое прошла и, наверное, поэтому такая неразговорчивая. Олли ни о чем меня не спрашивает, и я ее. Пусть так и продолжается.

Лиз тоже нормальная. Она ведет себя со мной дружелюбно, вот только я не в состоянии ответить ей тем же. Иногда мне становится жаль, что все так стараются, а я не могу ни-

чего сделать. Но потом понимаю, насколько мне все равно.

Меня напрягают визиты Эми. В течение первой недели они происходят с поразительной регулярностью. Она ждет, что я буду с ней разговаривать. Задаёт много вопросов.

– У тебя все хорошо, Рис?

Пожимаю плечами.

– Ты уже обжился?

Взгляд в пол.

– Как тебе работа?

– Порядок.

– У тебя нормальные отношения с остальными?

– Да.

– Тебе что-нибудь нужно?

Снова пожимаю плечами. Мне нечего ей ответить. Откуда я знаю, хорошо мне или нет? Я даже не представляю, каково это – обжиться. В порядке ли я? Пока что жив – такой ответ подойдет?

Иногда у меня возникает желание рассказать ей о плане и попросить о помощи. Но боюсь, что она попытается меня отговорить и начнет еще внимательней за мной следить. Хотя ее помощь мне бы не помешала, потому что временами от тревоги мне трудно дышать.

Чтобы хоть что-то сказать, я упомянул, что хочу купить ноутбук, чтобы не зависеть от интернет-кафе. Она была на седьмом небе от счастья и болтала что-то о здоровых це-

лях. Предложила спросить у знакомого, который продает подержанные ноутбуки.

Эми постоянно твердит, как рада, что в ее проекте нашлось место для меня. Рад ли этому я? Возможно. Возможно, она окажет мне помощь, на которую я надеюсь. Возможно, хорошо знать кого-то снаружи.

В пятницу утром я работаю в кафе. Мы с Че одни. Он рассказывает мне о пивоварении и спрашивает, не хочу ли попробовать один из его стаутов. Я не в курсе, что это такое, но он приходит в восторг и объясняет, что речь о сорте черного пива. Че тараторит что-то о содержании солода, и я обещаю попробовать. Лишь бы он оставил меня в покое.

Под конец рабочего дня должна прийти Олли, чтобы контролировать снятие кассы. Может, потому что я новичок. Но скорее причина в том, что я – это я. Так или иначе, деньгами я не занимаюсь.

Сегодня у нас тихо. Несколько человек покупают прохладительные напитки. Для кофе слишком жарко. Но потом открывается дверь, и передо мной снова стоит та странная девчонка, которую я встретил здесь пару дней назад. На ней джинсы и яркая блузка с широкими рукавами, распущенные каштановые волосы рассыпаны по плечам. Она будто немного оторвана от времени. Вероятно, в этом мы с ней похожи... Меня смущает, что она не прекращает болтать и улыбаться.

ся. Ее крайняя позитивность заставляет меня почувствовать, что я разучился взаимодействовать с людьми. Я умею бороться на руках, умею заправлять постель за минуту и разбивать нос одним прицельным ударом. Но здесь мне все это не нужно.

При виде меня у нее вырывается только: «О». То ли от разочарования, то ли от раздражения. Не уверен. Судя по всему, она взвешивает варианты, остаться или уйти, но все-таки выбирает первый. Кладет на один из столиков сумку и книгу, которую держала в руках, и возвращается к стойке.

– Кофе? Черный? – спрашиваю я. Таким ведь был ее прошлый заказ? Но даже этой попытки пойти ей навстречу, кажется, недостаточно.

– Да, спасибо, – говорит она и садится за столик. Затем раскрывает книгу и начинает читать. Ей осталось совсем немного страниц до конца.

Наполнив чашку черным кофе, несу заказ к столику. Девчонка даже не поднимает голову, шаря рукой по столу, пока кончиками пальцев не дотрагивается до ручки. Мне хочется спросить, что же настолько интересное она читает. Но какой смысл? Я захожу на кухню и прошу у Че сигарету.

Стоя перед входом в кафе, прикрываю глаза после первой затяжки. У меня пока нет денег, чтобы купить себе сигареты, поэтому курю гораздо меньше, чем привык и чем требует мой организм. Думаю попросить пачку у Эми, но кто знает,

чего она захочет взамен? Вероятно, ответов на вопросы. Нет уж, спасибо. Возможно, сейчас самый подходящий момент, чтобы бросить курить.

Я обвожу взглядом улицу. В такой жаркий день здесь мало что происходит. Припаркованные на обочине дороги машины покрыты слоем пыли. В этом районе не придают особого значения чистоте. Если машина перевозит вас из пункта А в пункт Б, этого достаточно. На улице, где почти каждый дом разрисован граффити, сложно поверить, что всего через два перекрестка отсюда находится оживленный центр города. При мысли о толпе у меня выступает холодный пот. В центре есть чертово кафе-мороженое. По крайней мере, было шесть лет назад. Я нечасто туда ходил, но помню, как оно выглядело. Студенты и школьники, чтобы получить стаканчик любимого мороженого, выстраивались в длинную очередь. Мне кажется, все это происходило в другом мире. Другой галактике, где мне больше не место.

Докурив, возвращаюсь обратно. Девушка быстро вскидывает глаза и улыбается, словно забыла, что терпеть меня не может. Неожиданно у нее вибрирует мобильник. Она берет его, читает сообщение и издает стон. После чего с раздражением бросает телефон обратно на столик.

Не зная, чем еще заняться, я некоторое время наблюдаю за девушкой, которая снова погрузилась в книгу. Она быстро читает. Через равные промежутки времени переворачивает страницы. Иногда задерживает взгляд на каких-то ме-

стах. Замечаю, как у нее шевелятся губы, будто она повторяет важные фразы.

И вдруг слышу собственный голос.

– Что ты читаешь? – спрашиваю, понятия не имея, что творю.

Она поднимает глаза.

– «К востоку от рая», – произносит она. – Знаешь?

– Нет, – отвечаю, хотя и читал ее в тюрьме. Я много чего читал за последние годы, пытаюсь бороться со скукой и одиночеством. Не знаю, зачем соврал ей. Мне нужно проявлять дружелюбие, учиться общаться с людьми, если хочу жить в этом мире. На самом деле посетители кафе – это идеальная тренировка. Так что я беру себя в руки и задаю следующий вопрос: – Хорошая книга?

– О да, Стейнбек великолепен, – говорит она. – В следующем триместре я буду ходить на семинары по Стейнбеку. Мне... – Она колеблется, словно не зная, продолжать или нет. – На следующей неделе я начинаю учиться на литературном. Нужно будет потом еще зарегистрироваться... Но ты же не хочешь этого знать. Извини.

Опустив большие карие глаза, она собирается углубиться в чтение. Как бы меня ни бесило, что у меня возникает ощущение, будто я должен интересоваться всем, что она рассказывает, мне становится почти жаль, что я не могу вести себя с ней любезнее. Я крепко сжимаю зубы.

– Ну, желаю удачи! – откликаюсь я, сбитый с толку. Если

не ошибаюсь, сейчас это была относительно нормальная беседа, пускай она мне не особенно понравилась.

5

Тамсин

Мистер Грубиян, чудак из кафе, только что попробовал со мной поговорить. Кто бы мог подумать, что он может не только угрюмо бурчать... А ведь я старалась его не трогать. Не болтала и не спешила выложить всю информацию о себе, как в прошлый раз. Даже следила за тем, чтобы не пялиться на него. Хотя его лицо завораживает. Холодные голубые глаза, полные губы, высокие скулы и выразительный подбородок. Он похож на человека, на которого все оглядываются. Под фартуком сквозь футболку прорисовываются мышцы. Если бы я еще интересовалась парнями, то сказала бы, что он привлекательный. В дикой и опасной манере. Но я прекрасно себя чувствую в мире без мужчин. И точно не стану портить студенческие годы ревностью и любовными переживаниями.

Я собираюсь сделать глоток кофе из чашки – белой в голубую крапинку, – но она оказывается пуста. Ну и ладно, возьму еще одну. Попытка отыскать другое кафе с треском провалилась, так что приятно познакомиться, сотрудники «У Мала», я Тамсин Уильямс, изучаю литературу и зависима от кофе.

– Прошу прощения?.. Я, к сожалению, не знаю, как тебя

зовут, – говорю я. Парень поднимает голову. – Можно мне еще один? – приподнимаю кружку и слегка покачиваю ею.

– Ага, – откликается он. Судя по всему, его дружелюбие иссякло. Он подходит ко мне и забирает чашку, а потом укачивает на бейджик у себя на груди. Там черными печатными буквами написано: «Рис».

– Привет, Рис, – произношу я. – Меня зовут Тамсин, но я уже говорила тебе в прошлый раз.

Он молча наполняет чашку и приносит ее мне. А когда собирается отвернуться, я добавляю:

– Кстати, ты со всеми посетителями такой грубый или только со мной? – Не знаю, что на меня нашло. Иногда у меня не получается держать рот на замке.

– Что, прости? – переспрашивает он. – Разве я только что не принес тебе кофе? Может, с ним что-то не так?

– Э, нет, все в порядке, спасибо. Просто я думала, ну, обычно никто не возражает против легкой беседы. Извини, это твое дело, – бормочу я.

– Да, точно, мое дело, – отзывается он.

Понятия не имею, что со мной. Как правило, людям нравится, как я себя веду. Они говорят что-то вроде «Тамсин, она веселая», или «Тамсин очень милая», или «Я хочу сидеть рядом с Тамсин». Хотелось бы знать, что не так с Рисом.

Неожиданно я слышу за спиной его низкий с легкой хрипотцой голос:

– Прости, я не то хотел сказать.

У меня мурашки бегут по коже. Кажется, он совсем близко, гораздо ближе, чем на самом деле. Эта фраза звучит не так, как все, что он говорил прежде. В ней слышатся честность и уязвимость. Оглянувшись, смотрю на Риса: он стоит у столика позади меня, скрестив руки на груди, будто старается защититься.

– Да все нормально, – отвечаю я. Мне вдруг хочется, чтобы он перестал плохо себя чувствовать из-за этого. Пытаюсь улыбнуться. – Кстати, кофе здесь правда вкусный. – Может, это разрядит обстановку. Уголки его губ едва заметно дергаются вверх. Словно он хочет улыбнуться. Но не может. Он глубоко вдыхает и выдыхает. В этот момент кажется, что Рис несет на своих плечах всю печаль мира. Хотела бы знать, как он стал таким. Только потому, что я заботливая посетительница его кофейни, само собой. Может, он пережил то же, что и я? Потерял любимого человека? Его предали? Но о подобных вещах, разумеется, не спрашивают, поэтому я возвращаюсь к книге.

Впрочем, по-настоящему сосредоточиться мне больше не удастся. Время от времени я поднимаю голову и на третий или четвертый раз вздрагиваю, когда мы встречаемся взглядами. Я не сразу отворачиваюсь, и пару секунд мы смотрим друг другу в глаза. Сердце подскакивает у меня в груди. Я выпила слишком много кофе. Пора отправляться в университет.

Кампус расположен в центре города. Между зданиями проходят парковые зоны. Так как учеба еще не началась, сейчас тут довольно спокойно. Кое-где на лужайках сидят студенты и читают.

При взгляде на главный корпус от волнения у меня начинает покалывать тело. Складываю пальцы для воображаемой камеры и – *щелк!* – сохраняю в памяти эту картинку. Главный корпус представляет внушительное здание из красного кирпича, построенное в девятнадцатом веке. Я уже почитала о нем на сайте университета. Красный цвет разбавлен белыми декоративными элементами. Входной портал поддерживают колонны. По сторонам от главного входа возвышаются высокие квадратные башни, придающие зданию величественный вид. Соседние корпуса более современные, но с такой же кирпичной отделкой, благодаря чему комплекс выглядит как единое целое.

Я не сразу нахожу офис, куда нужно сдать документы на зачисление. В главном корпусе запутанные коридоры, а до дурацкого мезонина вообще не добраться.

– Прощу прощения, – спрашиваю у миниатюрной девушки с сиреневыми волосами, – не знаешь, где офис приемной комиссии?

Она останавливается и оборачивается. На усыпанном веснушками лице отражается радость.

– Мне тоже туда нужно! – отвечает она, подходя ко мне. – Давай искать вместе. Кстати, я Зельда. – Она протягивает

мне руку.

– Я Тамсин, – говорю я, и мы жмем друг другу руки.

– По-моему, офис находится где-то на этом этаже. Я сфотографировала план здания, смотри. – Зельда показывает мне дисплей смартфона и увеличивает нечеткий снимок. – Мы сейчас здесь, видишь? А он должен быть впереди, за углом.

Взяв за руку, она тянет меня за собой. И действительно, за ближайшим поворотом выстроилась очередь из примерно двадцати слегка встревоженных парней и девушек.

– Та-дааа! – торжественно объявляет Зельда. – Как я рада, что тебя встретила. Здесь такая мертвецкая атмосфера.

Я широко улыбаюсь.

– Ты откуда? – спрашиваю ее. Пока мы ждем, можно и поболтать.

– Я выросла недалеко отсюда. Час езды на запад. Рядом с местом под названием Палома Бэй. Это тебе ни о чем не скажет. Наш дом стоит чуть дальше, на холме. Оттуда открывается вид на город и на залив.

– Звучит сказочно, – откликаюсь я, но Зельда фыркает:

– Ну, это как посмотреть. Глазами туристов – определенно. Глазами туристов и особняк моих родителей наверняка покажется сказочным. Но если ты не помешан на деньгах, там невыносимо, – ухмыляется она.

– Дом моих родителей скромнее, но если ты не помешан на суккулентах, там тоже невыносимо, – смеюсь я. – Ты уже

решила, какую выберешь специализацию?

– Точно знаю, какую специализацию не хочу, – заявляет Зельда. – Все мои братья учатся либо на юридическом, либо на экономическом. Один успешнее другого. Дома я всегда была бунтаркой. Думаю, родители счастливы, что я наконец-то съехала, – рассказывает она. – А ты?

– Я хочу изучать литературу. Мечтаю об этом с тех пор, как научилась читать, – говорю я. – У меня тоже не лучшие отношения с родителями. Последний звонок домой можно назвать катастрофой средних масштабов.

– О-оу, – отзывается моя новая знакомая.

Очередь продвигается очень медленно, но благодаря разговору с Зельдой меня это не беспокоит.

– Ты живешь в кампусе? – спрашивает она.

– Нет, с этим опоздала. Я снимаю маленькую квартиру.

– Вау! Звучит божественно! – вздыхает Зельда. – Но я, по моему, не создана, чтобы жить одной. Мне нужна суета вокруг. Дома я всегда крутилась на кухне с прислугой. Там, где постоянно что-то происходит, – улыбается она. – Сейчас у меня двое соседей. Милых и шумных. Как я люблю.

Перед нами остается всего два человека.

– Значит, литература, – произносит Зельда, возвращаясь к прошлой теме. – Может, у нас будет несколько общих дисциплин. Я была в такой нерешительности, что нахватала всего понемногу.

– Было бы здорово, – говорю я. – Я здесь вообще никого

не знаю.

Подходит очередь Зельды. Пока жду, еще раз набираю номер родителей. Включается автоответчик.

– Привет, мама и папа. Это Тамсин. Хотела еще раз дать о себе знать и сказать, что у меня все хорошо. Надеюсь, вы не волнуетесь. До скорой связи.

Это не заглушает угрызения совести, но большего в данный момент я сделать не могу.

Через несколько минут появляется Зельда, и я наконец захожу в офис.

Я отдаю документы вместе с фотографией раздраженной секретарше, которая делает копии каждой страницы. Затем протягивает мне студенческий билет.

Когда я выхожу, Зельда ждет меня.

– Совсем забыла спросить, не хочешь как-нибудь сходить со мной выпить? – интересуется она.

Мы идем в сторону выхода. И, обменявшись номерами, договариваемся встретиться на первой лекции, которая у нас будет общей.

В воскресенье мы с Сэмом встречаемся в его любимом итальянском ресторане. Так как машины у меня нет, я решаю добраться до него пешком. Дорога мне уже знакома. Я иду вверх по улице до большого перекрестка. Там сворачиваю налево и через пару сотен метров оказываюсь в центре Перли, где жизнь бьет ключом. Здесь, рядом с университе-

том, много студенческих баров, из которых доносится музыка. Большинство домов покрашены в пастельные тона. Желтый, голубой, розовый, мятно-зеленый. Украшенные цветами фонари заливают улицу теплым светом. На балконах красуются ящики с цветами. В студенческом квартале все здания небольшие: в три – пять этажей. Но на заднем плане виднеются ярко освещенные многоэтажки.

Среди баров, на неоновых вывесках которых светятся названия вроде «Вертиго»², «Жара» или «Трилистник», расположились маленькие магазинчики. В витринах антикварных лавок стоят ценные издания книг и другие коллекционные предметы. Золотое тиснение блестит в свете витрин. Книжные предлагают скидки для студентов в первые недели триместра. Мой взгляд падает на рекомендации сотрудников, выложенные на стенде. Милая подборка новинок и классики. Я делаю крюк, чтобы пройтись еще, и обнаруживаю несколько винтажных бутиков. Надо непременно вернуться сюда днем, чтобы не спеша исследовать эти замечательные магазинчики.

Итальянский ресторан, в котором забронировал столик Сэм, находится в переулке неподалеку от небольшого театра. Как сообщают афиши, сейчас ставят «Бурю» Шекспира.

«У Луиджи» выглядит так, как обычно представляешь себе итальянский ресторан. Я никогда не была в Италии,

² Вертиго – иллюзорное ощущение вращения собственного тела или окружающих предметов.

но красно-белые скатерти в клеточку, на которых горят свечи в темно-зеленых бутылках, пробуждают во мне тягу к путешествиям. Звучит приглушенная итальянская музыка, в воздухе разливается аромат пиццы. Мой желудок тут же начинает урчать.

Я собираюсь обратиться к девушке-администратору, чтобы она проводила меня к нашему с Сэмом столику, когда вижу, что он машет мне из дальнего конца зала. Я подхожу к нему, и Сэм встает. Сердце бешено бьется, настолько я рада его видеть. До сих пор не осознавала, как сильно в последние дни мне не хватало знакомых лиц. Я бросаюсь к нему на шею, а он крепко прижимает меня к себе. От него приятно пахнет: смесь парфюма и его личного запаха.

Мы не виделись с прошлых каникул. Он не только получает степень по истории американской литературы, но и ведет несколько курсов, так что может приезжать в Росдэйл только в свободное от занятий время. Но и тогда у него так много дел, что он едва все успевает.

Мы садимся и одновременно выпаливаем:

– Как здорово, что ты здесь!

Я не сдерживаю смех. Всегда немного странно, когда мы встречаемся после долгой разлуки. Сначала нам как будто нужно заново познакомиться или убедиться, что мы все еще друг другу нравимся. Но на это, как правило, уходит всего пара минут. Немного застенчиво я тянусь через стол и слегка сжимаю его руку, чтобы удостовериться, что он и правда

тут. Красивое лицо Сэма сияет в свете свечей. Он немного отрастил волосы, так что каштановые пряди падают на лоб, придавая ему более дерзкий вид.

– Серьезно, я так рад, что ты здесь, – говорит он, и меня затапливает волной тепла от счастья и ощущения близости.

Мы углубляемся в изучение меню, и Сэм заказывает графин вина. На самом деле мне еще нельзя пить алкоголь, но Сэм подмигивает мне и заявляет, что я теперь студентка, значит, обязана во время разговора изящно пить красное вино. Не то чтобы я никогда не пила алкоголь. На некоторых вечеринках в Росдэйле было дешевое пиво. Но однажды меня вырвало, и с тех пор я стала осторожнее.

Мы делаем заказ, и я рассказываю Сэму о своей квартире и покупке матраса через интернет, о первом впечатлении от кампуса и о предвкушении того, что будет дальше. Он слушает меня и, наверное, удивляется непрекращающемуся потоку моих слов. Я испытываю колоссальную потребность в общении, так как за последние несколько дней мои социальные контакты ограничивались угрюмым парнем в кафе, секретаршей в университете и приятным знакомством с Зельдой.

– О'кей, о'кей, все это звучит прекрасно, Тамс, – произносит Сэм. – Но можешь еще раз объяснить, почему ты вообще здесь? Разве ты не собиралась съехаться с Домиником?

Доминик. От звука этого имени у меня внутри все сжимается. Но, разумеется, Сэм не догадывается, что случилось.

Он ничего не знает о неделе ужаса, которую я пережила.

– Мой дедушка умер, – сообщаю я.

– О нет, Тамсин, соболезную, – с искренней грустью говорит Сэм. Они нравились друг другу. Думаю, дедушке всегда хотелось, чтобы мы с Сэмом стали парой. Но невозможно заставить кого-то полюбить другого. – И поэтому ты сбегала на другой конец света? А что по этому поводу говорит Доминик?

– Долгая история, – продолжаю я, так как не хочу, чтобы воспоминания о недавних событиях портили мне отличный вечер. До сих пор моя тактика игнорировать все, что связано с Домиником, работала безупречно.

– Ради тебя я освободил весь вечер, – расплывается в улыбке Сэм.

Что ж, хорошо. Рано или поздно мне придется об этом рассказать. Я пытаюсь сохранять спокойствие, когда думаю о моменте, когда моя жизнь рухнула, словно карточный домик. После переезда я заглушала мысли о том, что произошло в Росдэйле. Не знаю, что будет, если сейчас об этом заговорить. Какие откроются шлюзы. Я не хочу плакать на глазах у всех. Представляю, будто это случилось не со мной, а с другой Тамсин. Тамсин из прошлого, которой больше не существует.

Прочистив горло, расправляю плечи.

– Доминик мне изменил, – произношу твердым голосом и стараюсь не смотреть на Сэма. – С нашим агентом

по недвижимости. В нашей новой квартире.

– Что? – восклицает Сэм. – В вашей квартире? Такого я даже от Доминика не ожидал.

Доминик и Сэм терпеть друг друга не могли. Они слишком разные. Доминик считал Сэма мечтателем, который не думает о будущем и тратит лучшие годы на то, на чем никогда не заработает денег. А Сэм называл Доминика скучным кретином, которого волнует только карьера.

– Да, и хуже всего то, что я их застала. Хотела еще раз измерить гостиную. Но когда открыла дверь, услышала, как по комнатам разносится громкий стон. Удивительно, какими громкими могут быть люди, когда звуки не заглушаются мебелью. Особенно во время секса, – с горечью говорю я. Глаза горят от слез, но я делаю глоток вина и проглатываю ком в горле.

– Сьюзи, та самая, настоящий профессионал, ее костюмы всегда сидят идеально, а блузки выглажены, увидела меня первой. Она взвизгнула, оттолкнула Доминика от своей крошечной задницы и опустила юбку. – Вспоминать это адски больно. В моей воображаемой фотокамере есть и такие снимки, о которых я бы предпочла забыть. Но увы, эта мерзость сохраняется в голове.

– А Доминик? – тихо спрашивает Сэм.

– Он стоял и бормотал: «Твою мать, твою мать, твою мать». И, само собой, повторял, что ему очень жаль.

– Невероятно! – отвечает Сэм. – Как в плохом голливуд-

ском кино. Они не говорили, что это не то, чем кажется? – Я слышу в его голосе легкую усмешку. Смотрю на друга и понимаю, что тревога у него на лице сменилась озорной ухмылкой. Я рада этому и начинаю посмеиваться.

– Они были слишком шокированы, чтобы вообще что-то говорить, – рассказываю я. – А у Доминика не получилось сразу подтянуть штаны. Ремень зацепился. Он чуть не упал, когда попытался меня догнать.

Мы не можем больше сдерживаться и громко прыскаем от смеха. Я держусь за живот, потому что хохочу так сильно, что становится почти больно. Этот смех – лекарство. Мне больше не нужно страдать из-за того, что в первый момент выбило почву из-под ног. Можно поглумиться над этим. А заодно над всеми участниками.

После того как мы успокаиваемся, Сэм произносит:

– В любом случае повезло, что ты избавилась от этого прикурка. А как у тебя так быстро появилась квартира?

Я опускаю взгляд на скатерть, потому что не знаю, как Сэм отреагирует на то, как я искала жилье.

– Сняла маленькую квартирку через один сайт.

К моему облегчению, он смеется.

– Хорошо, что ты такая невзыскательная. А мне повезло, что ты теперь здесь. – Он поднимает бокал, и мы чокаемся. За нашу дружбу и мою новую жизнь в Перли.

6

Рис

Во второй половине дня в среду Тамсин становится первой посетительницей в мою смену. У нее на плече сумка, которая выглядит так, будто вот-вот лопнет. Она кидает ее на пол перед стойкой и стонет.

– Фух! Не хочешь поднять мою сумку? – спрашивает она. Почему?

Я, не думая, отвечаю ей:

– Почему должен хотеть?

Наверно, это было неправильно, так как она закатывает свои кукольные глаза и издает стон. Я злюсь на себя. Просто поднял бы эту дурацкую сумку.

– Ты пришла сюда, чтобы выпить кофе или чтобы я таскал твои вещи?

– Да, да, ладно. Мне нужен кофе, – отвечает она миролюбиво.

Затем садится за столик, но оставляет свои вещи перед стойкой.

– Э, – тяну я и показываю на сумку.

– Без вариантов, – откликается Тамсин. – Ничто на свете не заставит меня ее поднять.

Пожав плечами, несу ей кофе. Потом подбираю сумку

и ставлю на стул рядом с ней. Не такая уж она и тяжелая, но я не говорю ни слова. Платье в цветочек на тонких бретельках в стиле хиппи открывает красную полосу на коже там, где висела сумка.

Она поднимает голову и улыбается:

– Спасибо!

Я возвращаюсь за стойку. Здесь мне комфортнее всего. Мне по-прежнему тяжело общаться с гостями, а тут меня окружает защитный барьер. Но поскольку, за исключением Тамсин и еще двух посетителей, в кафе пусто, мне кажется странным стоять просто так.

Сглотнув, я спрашиваю:

– Ну, расскажешь, что ты там таскаешь?

– Книииииги, – отзывается она, растягивая «и». – Они в моем университетском списке для чтения. Я все взяла в библиотеке. – Тамсин начинает разбирать сумку и выкладывает на стол одну книгу за другой. Сложив в стопку десять томов, поворачивается и смотрит на меня. – А нельзя повесить тут полку? Тогда я могла бы оставить их здесь и приходиться почитать.

О чем это она? Не думаю, что я могу принимать такие решения. Кроме того, велик риск, что другие посетители прихватят книги с собой.

– Не переживай, это шу-утка, – добавляет Тамсин, и я чувствую себя полным идиотом. Естественно, это шутка.

– Да, понял, – бесстыже вру я, а сам думаю, что было бы

неплохо положить в зале парочку книг. В тюрьме я много работал с деревом. Дешевая рабочая сила под предлогом «образования». Но будь у меня доски, я бы что-нибудь сколотил.

Вдруг открывается дверь и заходит Эми. Я издаю беззвучный стон. Не потому, что терпеть ее не могу. Не хочу, чтобы клиенты узнали о моем прошлом. Боюсь, что после этого сюда больше никто не придет, Малкольм выкинет меня, и тогда можно будет забыть о плане.

– Привет, Рис, – здоровается Эми и улыбается так, будто нет ничего прекраснее, чем видеть меня. Мне приходит в голову миллион вариантов того, что может быть лучше. Удар по лицу, пытка водой, прижигание кожи окурками. – Ну? Как дела?

Замечаю, что Тамсин с любопытством поднимает глаза. Но когда видит, что я за ней наблюдаю, быстро возвращается к книге.

– Все нормально, – отвечаю я. Мне нечего рассказать Эми.

– Как работа? – продолжает спрашивать она.

Поверить не могу, что она на самом деле это делает. Здесь, перед посетителями!

– Идет, – отвечаю я. – У нас новая постоянная клиентка. – Я киваю в сторону Тамсин.

– Привет, – подает голос та и машет Эми. – Рису пока не удалось меня отпугнуть.

Я закатываю глаза. Эми и Тамсин сговорились против меня? Это такое соревнование: кто заставит меня выглядеть

глупее?

– Да, мы думали, нельзя ли повесить здесь полку. Для книг, – сообщаю в надежде, что это задобрит Тамсин и что именно это желает услышать Эми. Строить планы и все такое. Убью двух зайцев одним выстрелом.

– Великолепная идея, – радуется Эми, в восторге хлопнув ладонью по стойке. – Обязательно спроси у Малкольма.

Тамсин смотрит на меня и заговорщицки улыбается. А я... улыбаюсь в ответ. Стоп! Что это было? Я действительно только что улыбнулся? Невольно касаюсь уголка рта. Слава богу, этого никто не замечает. Я отворачиваюсь и пробую еще раз. Уголки губ вверх. Но это снова кажется чем-то фальшивым. Наверно, мне померещилось.

– Собственно, зачем я пришла, – начинает Эми. – Я рассказывала тебе о своем знакомом, который торгует подержанными компьютерами. Ему поступил один старый и медленный ноутбук, который в остальном работает безупречно. Он готов отложить его для тебя до конца месяца, если ты заинтересуешься. Сказал, что отдаст за сто долларов по знакомству.

Вау! Прекрасные новости. Наконец-то шаг вперед.

– Обязательно! – скорее кричу, чем говорю я. Переволновался. – Как только получу первую зарплату, деньги будут у него.

– Так и знала, что обрадую тебя. Ладно, мне пора. – Она прощается и уходит из кафе.

– Твоя подруга? – спрашивает Тамсин.

– Ну, не совсем подруга, – говорю я.

– Но ты серьезно хочешь сделать полку? – Разумеется, она не могла за это не зацепиться. Вероятно, все же не стоило поднимать эту тему перед Эми.

– Посмотрим. Почему нет?

– Было бы классно. Литературное кафе! – восклицает она, улыбаясь. – Я бы сразу отказалась от своей квартиры и переехала сюда.

Это точно шутка, и я стараюсь не выглядеть испуганным.

– Но кто все-таки эта женщина? Она довольно симпатичная, – не успокаивается Тамсин.

– Просто Эми, – отвечаю я.

– А кто такая эта «просто Эми»?

Почему она не успокаивается? И так внимательно на меня смотрит?

– Знакомая, которая достанет мне дешевый ноутбук.

– И интересуется, как ты себя чувствуешь, – добавляет Тамсин. – Она на тебя запала?

– С каких пор мы обсуждаем такие вещи? – интересуюсь я, потому что этот разговор перестает быть просто неудобным, он начинает по-настоящему бесить меня.

– О, извини. Я любопытная. Я еще мало кого здесь знаю, – объясняет она и краснеет.

Мне нравится, что она смущается. Так ей и надо. Нельзя лезть в чужие дела. Тем более в мои.

Тамсин утыкается носом в книгу, и я замечаю, как двигаются ее губы. Похоже, нашла еще один отрывок, который ей хочется прочесть вслух. Мне трудно оторвать от нее взгляд. Дело в ее лице? В ее погруженности в себя? Не знаю. Но она оказывает на меня гипнотическое воздействие.

Тамсин

Учиться – это потрясающе. Я обожаю переходить из лекционных залов в аудитории для семинаров. В первые несколько дней немного терялась, потому что у меня есть занятия как в главном здании, так и в современных соседних корпусах. Но прошло совсем немного времени, и я начала разбираться в особенностях нумерации кабинетов.

Теперь я направляюсь в подвальное помещение, где пройдет семинар «История криминальной прозы от ее зарождения до наших дней». К своему удивлению, я нахожу его с первой попытки, и пока, кроме меня, тут никого.

Это маленькая семинарская аудитория. Столы сдвинуты вместе и образуют пространство для дискуссионного клуба. Сначала я сажусь посередине. Но через пару минут мне начинает казаться, что так я слишком выделяюсь, поэтому немного отодвигаюсь. Кладу перед собой тетрадь и роюсь в сумке в поисках ручки. А когда снова поднимаю глаза, в дверях стоит Сэм.

– Привет! – радостно здороваюсь.

– Криминальная проза? – спрашивает он, переступая порог. И в ответ на мой удивленный взгляд объясняет: – Я пишу диссертацию у профессора Армитедж. Время от време-

ни приношу ей книги из библиотеки. – Он кладет на один из столов стопку книг. Слава богу, что я не выбрала этот.

– Ты останешься на семинар? – спрашиваю я. Надеюсь на это, так как чувствую себя некомфортно в новой обстановке.

– К сожалению, нет времени. Но семинар очень интересный. Армитедж просто шикарна. – Он подмигивает мне, и я улыбаюсь.

И продолжаю улыбаться даже после его ухода. Как же здорово иметь друга.

Класс постепенно заполняется людьми. Одного студента я уже встречала на вводной лекции по истории литературы, но он не замечает меня, сидит не поднимая головы. Две ярко покрашенные девушки, скорее всего со старших курсов, обсуждают студенческие вечеринки. Серьезный бледный парень читает литературоведческую книгу о «Сне в летнюю ночь» Шекспира. Несколько человек печатают что-то в смартфонах.

Когда входит профессор Армитедж, седая женщина со строгим взглядом, все поднимают на нее глаза, бросив все, чем занимались. Она излучает авторитет и силу.

– Добро пожаловать на семинар по криминальной прозе. Тем из вас, кто уже со мной знаком, известно, что работать предстоит много. Всем остальным могу сказать только одно: если вы не мотивированы по-настоящему трудиться, лучше сразу собрать вещи.

У бледного парня встревоженный вид. Я стараюсь максимально сжаться на стуле. Конечно, я отношусь к числу мотивированных студентов, но понятия не имею, устроит ли уровень моей мотивации профессора Армитедж.

– Криминальные романы. Что мы о них знаем? – обращается она к присутствующим.

Одна студентка поднимает руку и отвечает:

– Все криминальные романы подчиняются определенному шаблону. Согласно Женетту³, это называется «имитация».

Я понимаю из всего этого лишь половину, но тем не менее записываю.

– Абсолютно верно, – соглашается профессор Армитедж. – Вижу, что у некоторых на лицах застыл вопрос. Все, у кого еще нет списка для чтения, должны как можно скорее его скачать и напечатать упущенное.

Делаю себе пометку. Я не знала, что для этого семинара список литературы был известен заранее.

Профессор Армитедж закидывает нас научными терминами. Я записываю фазы для построения аналитического напряжения в тексте. Затем мы прорабатываем их на примере «Убийства на улице Морг» Эдгара Аллана По. Я ловлю каждое слово преподавательницы. Все, что она говорит, складыва-

³ Жерар Женетт – французский литературовед, яркий представитель структурализма, стоял у истоков современной нарратологии, занимался изучением интертекстуальности.

вається в єдину картину. Я і не очікувала, що кримінальна проза може бути настільки глибокою. Армیتедж переходить к образу «великого сыщика».

В концe семінара она говорить:

– К следующему занятию напишите, пожалуйста, эссе на две страницы о трех таких «великих сыщиках». И основываясь на примерах, перечислите наиболее важные характеристики этих персонажей, не забывая, какую значительную роль они играют на наших семинарах. Благодарю за внимание. До встречи через неделю.

После того как она покидает аудиторию, я обвожу взглядом одноклассников. Похоже, не все пребывают в таком же отчаянии, как я, но по крайней мере парень с вводной лекции выглядит слегка беспомощным.

Прочувшись всего пару дней, я уже вынуждена прогулять лекцию, но попросила Зельду записать мне конспект. Сегодня должны доставить матрас, и время доставки не назовешь точным. Нужно быть дома с двух до шести. Поэтому теперь я сижу в кресле и читаю эссе для семинара, пока жду. Подчеркиваю важные отрывки и делаю заметки в тетради. Это настолько затягивает, что я вздрагиваю, когда раздается звонок.

Я открываю дверь в подъезд, но и через несколько минут по лестнице никто не поднимается. Ложная тревога? Ни я, ни моя спина не можем рисковать и позволить им

уехать. Поэтому я быстро обуваюсь, чтобы спуститься вниз и проверить, в чем дело. В спешке у меня не получается найти ключ, и я подпираю дверь коробкой.

На улице стоит большой белый фургон, и двое мужчин выгружают из него огромного монстра, по форме напоминающего матрас. Я машу им и держу дверь открытой. Но один из них качает головой. Что он хочет сказать?

После того как они благополучно вытаскивают матрас из машины, мужчина, который до сих пор стоял ко мне спиной, поворачивается и идет в мою сторону. Он протягивает мне бланк, чтобы я расписалась.

– Третий этаж, – говорю я и подкладываю потрепанный коврик под дверь, чтобы она не захлопнулась.

– Мы доставляем только до дома. Поднимать тебе придется самой. Нам за это не платят, и в страховку это не включено, – отвечает он.

Я не ослышалась? Мне предстоит тащить по лестнице матрас, который с трудом вытащили из машины двое мужчин? Как если бы муравей понес на третий этаж мою сумку с книгами. А муравьи – в отличие от меня – по крайней мере, способны поднимать вес, в несколько раз превышающий их собственный!

– Может, сделаете исключение? – пробую я. – Знаете, мне больше никого не попросить о помощи.

– Прости, милая. Нам нельзя, – говорит он, отворачиваясь. Мужчина садится в фургон к напарнику, и они уезжают.

О'кей. Что мне известно о регулировке силы? Надо было внимательнее слушать на физике. Наклонные плоскости – хорошо, подъемные блоки – еще лучше. Впрочем, у меня нет ни наклонной плоскости, ни подъемного блока. А матрас, прислоненный к стене, не сдвинется с места сам по себе. Если бы у него хоть ручки для переноски были!

Я тяну за пластиковую упаковку, но матрас смещается всего на несколько сантиметров. При следующей попытке упираюсь в него с противоположной стороны. Уже лучше. Мне удастся дотолкать его до порога. Дальше сложнее. Снова перебежав на другую сторону, стараюсь поставить его на ступеньку. У меня почти получается приподнять край достаточно высоко, но тут матрас начинает опасно покачиваться. Я изо всех сил пытаюсь его удержать, но теряю равновесие, из-за чего мне приходится отпустить ношу. С приглушенным «Бум!» матрас падает на тротуар, подняв облако пыли.

– Черт! – ору я. Если запихнуть его в подъезд, он мог бы постоять там, пока я не попрошу Сэма помочь. Мне не хочется бросать матрас на улице. А вдруг мимо будет проходить очень сильный матрасный вор? Прикидываю, насколько это вероятно. Скорее всего, таких воров не существует, и тем не менее лучше не рисковать.

– Привет! – слышу голос с другой стороны улицы. Это Рис, он стоит перед кафе и курит. – Может, тебе нужна помощь?

– Отлично подмечено, Шерлок, – кричу в ответ. – Не сможешь капитану Ахаву в сражении с Моби Диком?

– А ты, кажется, часто переоцениваешь свои силы, – замечает он, но переходит через дорогу. Затем делает еще одну затяжку и бросает окурок.

– Вообще-то я не виновата, что оказалась в такой ситуации. Доставщики отказались помогать.

Рис что-то бурчит себе под нос и ставит матрас вертикально.

– А потом матрас оторвал тебе ногу, и теперь ты не можешь перестать думать о нем и гоняешься за ним по всем морям? – произносит он, заставляя меня растеряться. Он что, читал «Моби Дика»? Прежде чем успеваю задать вопрос, он добавляет: – Выбираешь толкать или тянуть?

– Думаю, тянуть. Будет лучше, если более сильный из нас станет толкать.

Он пропихивает Моби Дика через дверь, а я тяну, так что мы в мгновение ока оказываемся в подъезде. Рис приподнимает матрас, и вот мы уже на лестнице. Я тяну, он толкает снизу. Ступенька за ступенькой мы приближаемся ко второму этажу. И вот первый вызов – поворот на полпути к площадке. Но Рис проталкивает матрас в изгиб лестницы, будто и не было никакого препятствия.

– Ого, – говорю я и хлопаю в ладоши, когда мы останавливаемся, чтобы дать рукам отдохнуть. – Как удобно, что ты такой сильный.

– Удобно. Да, именно, – откликается он, а потом добавляет почти со злостью: – Как тебе повезло, что я такой *удобный*.

И что я опять не так сделала? Больше не произношу ни слова, лишь тяну матрас, пока Рис налегает на него снизу.

Когда мы добираемся до третьего этажа, он спрашивает:

– Ты всегда оставляешь дверь открытой?

Мне не нравится его раздраженный тон, поэтому я отвечаю:

– Спасибо, дальше сама справлюсь.

– Ах вот как? – Он уже пересек маленькую прихожую и стоит в моей комнате. – И как же ты планируешь избавиться от старого матраса?

– О нет! – Об этом я не подумала. Естественно, эта дрянь все еще здесь. Глядя на Риса умоляющим взглядом, прошу: – Ты не поможешь мне и с ним тоже?

– Может, он пригодится Эми, – говорит тот и начинает отодвигать новый матрас в сторону.

Старый мы перетаскиваем на лестничную клетку, где я решаю его пока и оставить. На нем мерзкие пятна, и я рада наконец от него избавиться.

– Кстати, это так и было, – обращаюсь к Рису, потому что мне вдруг становится неловко: вдруг он подумает, что у меня во сне неконтролируемо выделяются телесные жидкости.

Он ворчит и тащит Моби Дика в мою комнату. Там мы освобождаем матрас от полиэтиленовой упаковки, и Рис толкает его на каркас кровати, а потом выравнивает. Идеально!

Я тут же на него сажусь, скрещиваю ноги и начинаю раскачиваться, чтобы проверить, насколько мягкая у меня теперь кровать. Божественно. Будь моя спина кошкой, она бы сейчас замурлыкала.

– Иди сюда, попробуй, – зову я и хлопаю ладонью по матрасу возле себя. Сперва у меня не возникает никаких мыслей об этом, но потом мне кажется странным, что я приглашаю, по сути, незнакомого человека прилечь на мою кровать.

Замешкавшись на мгновение, Рис садится рядом со мной, а затем падает на спину.

– Да, очень удобный. И совсем не грязный, – говорит он. Рис выпрямляется, смотрит на меня. И улыбается. Не помню, видела ли его хоть раз улыбающимся. Жесткие черты его лица становятся намного мягче. Рис на секунду прикрывает глаза, и улыбка исчезает.

– Большое спасибо за помощь. Я правда не знаю, как бы одна затащила сюда этого монстра, – благодарю я.

– В конце концов, у капитана Ахава тоже была команда, – отвечает он. – Главное, что мы победили чудовище.

Неужели этот парень постепенно оттаивает?

8

Рис

Неужели я только что пошутил? Видимо, так и есть, потому что Тамсин хихикает.

– Ты что, читал «Моби Дика»? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами. Ей не обязательно знать, что впервые я прочел этот роман в шестнадцать лет, а потом еще раз год назад. Что у меня самого был белый кит, с которым приходилось сражаться... и, возможно, еще придется. Хотя мой более реальный и опасный. Вероятно, даже смертельно. На первый взгляд ничего такого обо мне не скажешь. А второго взгляда я не допускаю.

– Могу я в благодарность за помощь предложить тебе колу? – спрашивает Тамсин. – Ледяную. У меня получилось включить холодильник. – В ее голосе звучит чуть ли не гордость.

Я на секунду задумываюсь. Уверен, у Лиз в кафе все под контролем. Когда выходил покурить, мы обслужили всех гостей. Обеденная толпа уже должна схлынуть.

– Ну хорошо, почему бы и нет, – говорю я, мысленно занося это в список «приобретать новый опыт».

Тамсин встает. Кухонный уголок находится напротив кровати, и когда она нагибается, чтобы достать газировку, ее

старомодные джинсы немного сползают, обнажая кружевной край сиреневого нижнего белья. Уверен, что не должен знать цвет ее трусов, поэтому отвожу глаза. У меня ускоряется пульс. Я не сидел один на один в комнате с девушкой с пятнадцати лет! Мне вспоминается Алисса. Кажется, она была последней. Она позволяла мальчикам трогать ее под футболкой во время поцелуев. Я смотрю на ладони и не могу поверить, что правда прикасался к груди Алиссы. Чем дольше я разглядываю пальцы, тем более крупными, неуклюжими и грубыми они кажутся. Не о таких руках мечтаешь, когда хочешь, чтобы к тебе прикоснулись.

Эти мысли меня нервируют. Когда Тамсин вновь садится рядом и матрас слегка пружинит, я осознаю, как она близко. Чувствую ее запах, распущенные волосы переливаются теплыми оттенками каштанового в лучах послеполуденного солнца, падающих в окно. Чтобы не протянуть к ним руку, мне приходится напомнить себе, кто я такой. Я с благодарностью беру колу, которую Тамсин мне передает, и прижимаю ледяную бутылку к горячему лбу.

Откашливаюсь и, чтобы отвлечься, спрашиваю, глядя на фотографию в рамке:

– Это твой брат?

– Сэм? Нет, мой лучший друг. Это из-за него я тут.

– Что ты имеешь в виду? – Вопрос неожиданно срывается с моих губ, и я удивляюсь, что старое фото мальчишки лет двенадцати вызывает у меня злость.

– В общем, я из Мэна. Сэм уехал в Перли, когда поступил в университет. Поэтому я подала документы сюда. И когда меня приняли, а дома все пошло не так, как планировала... – Она не заканчивает фразу.

– А что ты планировала? – Не хочу быть таким любопытным, но мне интересно, что же пошло *не так*. Я вытягиваюсь на кровати, опираясь на локти. Мой взгляд снова невольно скользит к поясу ее брюк, но теперь видна лишь тонкая полоска кожи между футболкой и джинсами.

Тамсин с ухмылкой поворачивается ко мне:

– Тебе действительно интересно или ты спрашиваешь из вежливости?

– Ты не обязана рассказывать, если не хочешь. Но думал, ты любишь непринужденные беседы.

– Это, конечно, не совсем непринужденная беседа. Правда, ты не производишь впечатление человека, который интересуется другими людьми.

Хорошая оценка. Тем не менее я многозначительно выгибаю брови, и она театрально вздыхает.

– Ладно. У меня был парень. Мы встречались три года. Хотели снять квартиру и жить вместе, я собиралась учиться в Мэне. Но потом он мне изменил. На той же неделе умер мой дедушка. Последним, что он мне сказал, стало: «Живи полной жизнью». Поэтому я уехала в Калифорнию.

Все это она протараторила и теперь, похоже, рада, что наконец поделилась с кем-то.

– О, – произношу я. Если бы подозревал, что речь пойдет о чем-то настолько личном, наверно, не спрашивал бы. Дурацкая ситуация. Надо что-то сказать?

– Тебе не обязательно отвечать. Я пытаюсь об этом не думать. Случай с Домиником – так зовут этого ублюдка – уже в прошлом, и такого больше не повторится. Теперь мужчин для меня не существует.

– Разве что когда тебе нужна помощь в перетаскивании тяжестей, – вставляю я. Кажется, сидеть рядом на новом матрасе и пить колу – это не совсем то, что другие понимают под «не существует».

– Разумеется, я не запрещаю себе общаться с противоположным полом. Но это платоническое общение. В конце концов, нет ничего плохого, чтобы оставаться одной. У мужчин такой образ жизни пользуется популярностью. Так почему бы женщинам не последовать их примеру?

Не знаю, что на это ответить, и делаю глоток колы, чтобы скрыть смущение.

– Многие мои любимые писательницы всю жизнь были одни. Джейн Остин, Луиза Мэй Олкотт, Эмили Дикинсон. Так что творческим способностям это, похоже, не вредит. – На секунду Тамсин замолкает и восклицает: – Но неужели так сложно держать свой член в штанах!

Я хмыкаю. Она не знает, что последние несколько лет я держал член в штанах.

– А ты? – тише спрашивает она. – Какая у тебя история?

Тамсин откидывается назад и смотрит на меня. Теперь она слишком близко, и мне хочется снова сесть. Но потом я собираюсь с силами и остаюсь на месте.

– У меня нет истории, – говорю я.

– Да ладно, у всех она есть! – не отстает девчонка. – Откуда ты?

– Из Перли. Родился, вырос. Но в той части города, куда тебе лучше не забредать.

– В Перли есть по-настоящему опасные кварталы? – недоверчиво спрашивает она.

– А где их нет? – парирую я.

– В Росдэйле, откуда я приехала. Там только аккуратные дома и ухоженные сады. Чистые машины и заботливые матери, которые отказались от карьеры ради детей. – Тамсин закатывает глаза.

– Серьезно?

– Серьезно. И я бы, скорее всего, тоже превратилась в такую заботливую мать.

– Мне трудно такое представить, – признаюсь ей. – Для этого ты чересчур... – Не удастся подобрать подходящее слово.

– Чересчур какая? – интересуется она.

– Не знаю. Чересчур... живая?

Тамсин улыбается. То, что мы находимся так близко друг от друга, больше не тревожит меня.

– Спасибо, – говорит она, переводя взгляд на потолок.

Лежа рядом с ней, я тоже смотрю вверх. Какое-то время мы молчим. Я прислушиваюсь к ее дыханию. Хотелось бы знать, о чем она думает. О бывшем? О матери?

– Можно спросить тебя кое о чем? Но ты не обязан отвечать, – вдруг произносит она.

– Если я не обязан отвечать, нет смысла спрашивать, – откликаюсь я.

– Может, ты сам захочешь ответить. Я лишь хочу подстраховаться на тот случай, если ты снова разозлишься.

Кажется, знаю, на что она намекает. Тот момент на лестничной клетке. Неловко получилось.

– Ну ладно, давай уже, – говорю я, стараясь, чтобы это не прозвучало грубо. Все-таки она мне доверилась.

– Почему ты иногда такой замкнутый? – задает вопрос Тамсин.

– Не могу ничего сказать, – говорю я. Потому что, если бы стал объяснять, пришлось бы рассказывать о последних шести годах.

– Но причина есть?

– А разве не у всего есть причина?

– Не отвечай вопросом на вопрос! – возмущается она.

– Ну хорошо, – соглашаюсь я, и меня бросает в жар. Не понимаю, что на меня нашло. – Да, причина есть.

– И ты мне о ней расскажешь?

Я резко сажусь. А когда отвечаю, мой голос звучит гораздо жестче, чем рассчитывал:

– Если бы хотел, то уже рассказал.

9

Тамсин

Что он имеет в виду? Этот парень приводит меня в замешательство. Впрочем, ситуация типичная. Я рассказываю ему все, что он хочет знать. У меня возникает чувство, что между нами зарождается что-то вроде доверия. А взамен? Ничего. Это не упрек. Разумеется, он может поступать как хочет. Опять же, это не мое дело. Мы даже не друзья. Но было бы здорово, если бы существовал шанс, что мы ими станем. Особенно это важно для меня, ведь я только переехала в новый город. Хотя Рис прожил здесь всю жизнь, и, вероятно, тут достаточно людей, которых он может назвать друзьями.

Перевернувшись на бок, я опираюсь на локоть и делаю вид, что собираю катышки с матраса. Было глупо пытаться вывести наше кофейно-матрасное знакомство на новый уровень. Теперь я это поняла. Уже собираюсь признаться в этом, как вдруг Рис прочищает горло. Я поднимаю глаза, но он не двигается. Мне видна лишь его широкая спина, мускулы вырисовываются под застиранной футболкой. Кажется, шея у него напряжена, потому что на ней выступают сухожилия. Он издает звук, похожий на зубной скрежет. Внезапно атмосфера накаляется. Его молчание и поза неожиданно кажут-

ся угрожающими. Наверное, наивной девочке из Росдэйла не стоило так просто приглашать домой незнакомого сильного мужчину.

– Если я тебе сейчас кое-что расскажу, – тихо произносит Рис не своим голосом, – обещаешь поверить, что я говорю правду?

Я в панике. Его голос звучит так серьезно, настойчиво.

– Да. Конечно, – соглашаюсь без раздумий. Сердце бешено бьется в груди.

– И больше ни о чем не будешь спрашивать?

– Да.

Он проводит рукой по светло-русые волосы. Мне кажется, он молчит вечность. Но потом начинает рассказывать. Очень тихо, так, что я боюсь пошевелиться, чтобы ничего не пропустить.

– Я родился и вырос в Перли. И последние несколько лет тоже провел здесь. Но не в городе, а... – Он замолкает, и я не осмеливаюсь сдвинуться с места, пока он не договорит. – А в тюрьме.

Я замираю. Меня пугает его признание. В тюрьме? Из-за чего?

Рис продолжает:

– Я шесть лет просидел за решеткой. Попал туда в пятнадцать. Невинный. А блондинка, которую ты видела в кафе, Эми, – это мой социальный работник.

У меня вырывается вздох, в котором звучат жалость,

удивление и ужас. Я прикрываю рукой рот.

– Это... как... как такое возможно? – заикаюсь я. – Что ты сделал?

– Сказал же: «невиновный», – хрипло откликается он. – И ты обещала больше не спрашивать. – Последние слова он цедит сквозь зубы.

– Да, конечно, прости. Это просто... не верится!

– Знаю, – шепчет Рис, и у него дрожит голос.

Я сажусь и смотрю на него. Он буравит взглядом стену, на его лице будто застыла маска.

– И как ты сейчас? – спрашиваю я, после такого откровения тишина между нами кажется невыносимой.

– Нормально вроде бы, – говорит Рис обычным голосом. Вдруг он словно вспоминает, где находится, расслабляет плечи и поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Мы на мгновение встречаемся взглядами, и он вновь опускает глаза.

– Странно быть снаружи, – признается он. – Мир какой-то слишком... полный. А для меня в нем места нет.

– Что ты говоришь! Естественно, для тебя есть место! А иначе кто будет готовить мне кофе? – пробую пошутить я, надеясь, что он не поймет меня неправильно.

Рис слабо улыбается:

– Да, думаю, это я могу.

Не знаю, как быть. Мне хочется, чтобы он объяснил, что произошло, но я помню о своем обещании. Если это прав-

да... Рис почти всю юность провел в тюрьме. Я дала слово верить ему, как бы сложно это ни было. Осторожно кладу ладонь ему на плечо, давая ему знать, что он может мне доверять. Когда дотрагиваюсь до него, Рис вздрагивает. Я отдергиваю руку.

– Все в порядке, пока ты об этом не думаешь. А раньше я часто думал. Но пришел к выводу, что есть вещи, которые нужно терпеть. Которые все равно не изменишь. Тяжело говорить о них. Они становятся только более реальными, и возвращаются воспоминания.

– О'кей. Тогда не будем это обсуждать. Разве что ты... ну... если у тебя возникнет желание. – Я хочу, чтобы он знал, что всегда может со мной поговорить.

– Спасибо. Этого не потребуется. – Рис смотрит на меня, его голос звучит как раньше. Он выглядит абсолютно нормально. Или настолько нормально, насколько он вообще выглядит. Он пристально смотрит мне в глаза, отчего мой пульс подскакивает. Похоже, это признание задело меня так же сильно, как Риса. Образ его искаженного страданием лица навсегда запечатлелся в моей памяти. Как жаль, что не могу иногда отключать чертову воображаемую фотокамеру.

10

Рис

Итак, все сказано. Я поделился секретом с незнакомым человеком. Неожиданно понимаю, что уже несколько секунд смотрю ей прямо в глаза. Тамсин отворачивается. Само собой. Как она может комфортно себя чувствовать рядом со мной? С осужденным. С изгоем, выброшенным из общества? Зачем я только ей рассказал! Почему решил, что она мне поверит? Нужно уходить отсюда. Пока невозможно понять, какие последствия повлечет мое признание, но я не собираюсь сидеть и ждать, когда эта странная девчонка меня осудит. Я встаю:

– Ладно, мне пора. Лиз одна в кафе.

– О да, конечно. Спасибо за помощь. И за... ну, сам знаешь. За то, что рассказал.

– Увидимся, – говорю, махнув рукой, а потом быстро выхожу из квартиры, спускаюсь по лестнице и пересекаю улицу, чтобы вернуться в кафе. Я почти бегу.

Стоит мне переступить порог, как появляется ощущение безопасности. Я на знакомой территории. Ну что за идиот! И как только тот момент доверия, который я себе нафантазировал, мог стать причиной для подобного признания? Понятия не имею, что на меня нашло. Неужели я посмотрел

на жизнь других людей и на секунду подумал, что могу стать ее частью? Словно прошлые годы не преподали мне урок. Никому не доверяй. В том числе самому себе. Нужно сделать это девизом. Я здесь не для того, чтобы искать друзей. И не пробуду тут достаточно долго. Мне надо сосредоточиться на плане.

– Где ты пропадал? У тебя такой вид, будто ты увидел призрака, – говорит Лиз, выходя из кухни. Еще один человек, который стремится загнать меня в угол своими вопросами. В руке у нее тарелка с сэндвичем, которую она с улыбкой ставит перед единственным посетителем в кафе. – Прошу, – обращается Лиз к пожилому мужчине.

– Просто помог кое-кому, – ворчу я. Моя жизнь ее не касается. И если я ненадолго выхожу на улицу, не надо потом устраивать мне допрос.

– Эми звонила. Передала, чтобы ты зашел к ней, когда будет время. Сегодня она в офисе до девяти.

– А она не объяснила, что хотела? – Только этого мне не хватало. Человека, который меня доконает.

– Сказала, это срочно. Ей нужна твоя помощь.

– Моя помощь? – А это еще что значит? Я в недоумении хмурюсь. Но Лиз лишь пожимает плечами и уходит в подсобку.

Когда я переступаю порог кабинета Эми, она работает с папками. Но услышав меня, поднимает глаза и улыбается.

– А, Рис, рада тебя видеть! – говорит она. – Ну что? Как идут дела?

Я вздыхаю. Вечно одно и то же!

– А как они могут идти? – огрызаюсь я. – К чему эти допросы? Тамсин, Лиз, ты... достало, что меня постоянно контролируют. Как в тюрьме. «Где ты был?», «Как дела?», «Как ты себя чувствуешь?». Будто я полный придурок или типа того. Поздно вато для таких вопросов, – внезапно вырывается у меня. Меня удивляет, что я говорю так громко, но она сама нарвалась.

– Э, – отзывается Эми, в растерянности глядя на меня. – Честно говоря, я спрашиваю об этом всех, с кем давно не виделась. Из вежливости. Но то, что *мне* кажется милым, когда кто-то интересуется *моими* делами, не означает, что ты относишься к этому так же. Если тебя это раздражает, я больше не буду. Запомню это.

Прекрасно. Я повел себя как настоящий кретин.

– Наверное, у меня просто был длинный день, – отвечаю виновато. – Лиз сказала, тебе нужна моя помощь?

– Да, верно. – К счастью, Эми, похоже, не обиделась. – Мне пришел список рекомендаций для нашей программы. Когда у нас есть места, тюремные психологи присылают мне подходящих кандидатов из тех, кто скоро освободится. Когда твой сосед по квартире получил новый срок, у нас освободилось одно место. И я подумала, что, возможно, в твоих же интересах будет взглянуть на эти имена. В конце кон-

цов, тебе придется жить с тем, кого мы выберем.

Она пытается быть особенно доброй ко мне? Хочет, чтобы я почувствовал, будто у меня есть право голоса? Или так уменьшится вероятность конфликтов? Что бы ею ни двигало, меня это устраивает.

Эми приглашает меня подойти к письменному столу и открывает одну папку. Сверху находится письмо от мистера Brentforda, тюремного психолога, которого я посещал несколько раз. В первое время он особенно настаивал на частых встречах. Пока я не перестал с ним разговаривать. Потому что помочь мне он все равно не мог. Никто бы не смог ничего изменить в чертовой ситуации, в которой я оказался... кроме меня самого. Под письмом в папке лежат документы.

– Это очень конфиденциальный материал, – заявляет Эми. – Но я могу сообщить тебе имена. Может, ты знаешь кого-то из этих троих и поддержишь предложение мистера Brentforda. – Она протягивает мне письмо.

Мне бросается в глаза одно из имен. Малик Капела. Афроамериканец. Он выглядел как спортсмен. Мы с ним почти не пересекались, потому что в тюрьме заключенных строго разделяли по цвету кожи, чтобы избежать конфликтов, – так утверждала официальная версия. Но я считаю, что сотрудники хреновы расисты. Я запомнил Малика. После драки с тем, кого хочу вычеркнуть из памяти, меня посадили в одиночную камеру на несколько дней. А утром, когда вышел,

Малик кивнул мне в коридоре. Такое не забывается. Второе имя принадлежит бледному парню лет двадцати, о котором я ничего не знаю. Третье ни о чем мне не говорит, но звучит как южноамериканское имя. Я принял решение.

– Малик, – отвечаю, указывая на бумагу со списком кандидатов.

Тамсин

После признания Риса мы с ним не виделись почти неделю. Надеюсь, он не подумает, что я его избегаю. С тех пор мне всего дважды удавалось забежать в кафе, но его там не было. Учеба в университете шла полным ходом, и у меня было много дел. Помимо основных лекций я записалась на три семинарские программы. Вводный семинар по истории литературы, семинары по произведениям Джона Стейнбека и по криминальной прозе, список чтения к которым не дает мне расслабиться. Вводный семинар включает практические занятия, которые ведет Сэм. Я понятия об этом не имела и опешила, когда подняла голову от книги и увидела, как Сэм пишет на доске свое имя. После занятия его окружили мои одноклассницы, у которых, по словам Сэма, остались вопросы по теме. Полагаю, скорее, вопросы о номере его телефона. Рада, что в университете он нашел работу, которая побуждает его раскрывать все лучшее в себе. Надеюсь, у меня тоже получится это сделать. Как преподаватель Сэм объясняет материал понятно и интересно. И невозможно не желать произвести на него впечатление.

Сегодня я договорилась встретиться с ним после занятия. Мы давно не проводили время вместе и собираемся попить

кофе. Кроме того, я кое-что планирую и мне требуется его помощь.

После пары Сэма окружает стайка студенток. Зельда, которая сидит возле меня, фыркает.

– Да-да, мы знаем. Он красавчик, а еще и умный. Но неужели не стыдно так вешаться ему на шею?

Я не могу сдержать смех. Мне нравится прямолинейность Зельды. Люблю, когда она садится рядом со мной и пишет саркастичные комментарии у меня в тетради.

– Как думаешь? У кого-нибудь из них есть шанс с Макперфектом⁴?

Фамилия Сэма – Макферсон, и я снова смеюсь над словесной игрой Зельды.

– Вряд ли. Сложно представить, чтобы он увлекался поклонницами, – отвечаю я.

Девушки постепенно расходятся, и, когда у стола Сэма остаются всего две студентки, он отвлекается от разговора и громко говорит:

– Я почти закончил, Тамс. Дашь мне еще минуту?

– Чтоооо? – шепчет мне на ухо Зельда. – Между вами что-то есть? И почему ты ничего не сказала? – Она с широкой ухмылкой пихает меня в бок.

– Нет, Сэм мне просто друг. Мы целую вечность знакомы, – объясняю я, но она многозначительно мне подмигивает. – Серьезно, между нами ничего нет. И даже если бы

⁴ От *англ.* perfect – «идеальный».

мне хотелось быть с ним, я перебралась сюда, чтобы сбежать от парня. Так что не стала бы сразу начинать новые отношения.

– Ты перебралась сюда? На занятия Макперфекта? Чтобы сбежать от парня? Ну, если это не идеальный план, то... – с иронией парирует Зельда.

– Хватит уже, – усмехаюсь я. Наверное, не так уж глупо предположить, что мы с Сэмом можем быть парой. Но сейчас только мое время. И пусть раньше я была влюблена в Сэма, не стала бы отказываться ради отношений от свободы студенческой жизни.

– Ладно. Но дай знать, если что-то изменится. Ведь тогда нам придется сообщить остальным печальную новость, что они могут прекратить его осаждать. Нужно быть честными, – говорит Зельда и выходит из класса. К тому времени Сэм заканчивает отвечать на вопросы, и мы вместе выходим из аудитории и направляемся к кофейному киоску.

На газоне перед главным университетским корпусом расположились компании студентов. Мы находим себе место под старым кленом и устраиваемся в тени. Я немедленно перехожу к делу.

– Есть ли что-нибудь за последние шесть лет, – начинаю я, – что ты не хотел бы пропустить? Если бы ты, например... – Я колеблюсь. – ...улетал на другую планету?

– Как тебе в голову пришла такая мысль? – спрашива-

ет Сэм.

– История литературы заставляет меня много думать, – пытаюсь найти подходящий ответ. – Что происходит в наши дни и оставляет след?

– Много чего! – отвечает Сэм. – Кино, музыка, литература. Актуальные события. Конечно, пока невозможно сказать, что из этого сохранится в истории, но пару-тройку вещей я бы назвал.

– Так назови же! – настаиваю.

– Например, не хотел бы пропустить второй роман Харпер Ли. Большое событие спустя почти пятьдесят лет. Или «Виноваты звезды». Представь, что ты бы ее не прочитала.

– Сэкономила бы много слез, – замечаю я, но понимаю, что он имеет в виду. У нас с Сэмом это одна из любимых книг.

– Или «Ла-Ла Ленд»! По-моему, ты любишь этот фильм. О боже, конечно, два фильма о Бонде! – Джеймс Бонд – это *guilty pleasure*⁵ Сэма. Он прекрасно понимает, что это «сексистские картины с устаревшим образом врага и разделением на черное и белое», но все равно обожает их смотреть. – И стоп! Я забыл самый главный фильм! Как насчет «Холодного сердца»?

Мы оба разражаемся хохотом. Каждый год на Рождество мы с Сэмом смотрим «Холодное сердце». Это наша тради-

⁵ Тайная страсть, постыдное удовольствие (англ.).

ция. А потом несколько месяцев не можем забыть *Let it go*⁶.

– И к тебе никогда не прицеплялась *Call me maybe*⁷? – добавляю я. Было время, когда, услышав где-нибудь эту песню, один из нас сразу отправлял другому сообщение со строчками из нее, чтобы заразить прилипчивой мелодией.

– Точно, – откликается Сэм. – Думаю, я был бы раздавлен, узнав, что Дэвид Боуи мертв. Причем уже два года. И вообрази: ты прилетаешь обратно на Землю, а тот, кого нельзя называть, внезапно стал президентом!

– С другой стороны, может, не так уж и плохо, если тебя ставят перед свершившимся фактом. Шок, конечно, но страданий меньше, – замечаю я.

– Не знаю. Мне кажется, я бы предпочел быть здесь во время конца света, чем вернуться и обнаружить, что мир перестал существовать. Помнишь концерт группы *Sparks* три года назад? Ради одного этого стоило жить на Земле.

Помню этот концерт. Родителям я сказала, что буду ночевать у подруги, но вместо этого поехала с Сэмом в Бостон. Это был один из самых грандиозных моментов в моей жизни. Музыка, атмосфера, незабываемый вечер с лучшим другом.

– Это был идеальный вечер, – отвечаю я.

– Да, правда, – соглашается Сэм.

Мы еще немного болтаем, но я думаю о своем. Составляю

⁶ Саундтрек к мультфильму «Холодное сердце» (англ. *Frozen*).

⁷ Песня Карли Рэй Джепсен.

список в голове. На этот раз – список покупок.

12

Рис

Теперь у меня есть ноутбук. Модель далеко не новая, но намного лучше того старья, которое было у нас в тюрьме. Тем не менее мои запросы в поисковике пока не принесли никаких результатов. У меня не получается вспомнить много имен из прошлого. Но и тех, кого помню, не удастся найти. Буду продвигаться от одного контакта к другому. Надо с чего-то начать.

Последнее, что мне известно о моей семье: отчим продал наш дом. Так было написано в письме, которое мама прислала мне через год:

«Рис, мне очень жаль. Мы продали дом и начнем все сначала где-нибудь в другом месте. Береги себя, сынок. Люблю, мама».

Я сижу за столиком кафе перед раскрытым ноутбуком. Пытаюсь использовать каждую свободную минуту, пока у нас мало народу. Кроме того, поиск отвлекает меня от мыслей, что Тамсин не приходила почти две недели. Мне было бы плевать на это, но я злюсь, что подарил ей тот краткий миг доверия. Хотя она и заставила меня, но, черт возьми, следовало быть умнее. Сильнее. Продолжаю вспоминать, как она на меня посмотрела, когда услышала мое признание.

В ее взгляде отражалась жалость? Презрение? Или страх? Трудно сказать. Не умею читать эмоции.

Одно за другим вбиваю в поисковую строку имена подруг матери, пока не нахожу одну из них. Пульс ускоряется, когда кликаю на фото ее профиля. Я ее помню. Она была маминым парикмахером и иногда в детстве сидела со мной. У нее на странице мало фотографий, и мамы нет ни на одной из них. Сара, так ее зовут, уже не живет в Перли. Но, возможно, знает, куда *он* уехал с моей матерью. Я решаю ей написать.

Через несколько минут на электронную почту приходит сообщение. Жутко волнуясь, открываю его. Это начало охоты?

Рис, ты, значит, вышел на свободу, и я этому очень рада. Буду за тебя молиться.

Это все, что могу сделать. Пожалуйста, не пиши мне больше. Сара

Я. Не. Могу. Поверить. Первый контакт с кем-то из моего прошлого. Моего проклятого прошлого!

– Ааааа! – ору в пустом кафе. Меня трясет от гнева. – Ты чертова сука! – И это относится к ним всем. К Саре, моей маме, Эми, Тамсин. Двуличные сволочи.

– Эмм, не помешаю? – доносится от двери осторожный вопрос.

Я поднимаю голову, и выражение моего лица, наверное, далеко не гостеприимное. В дверях стоит и широко улыбает-

ся Тамсин. Волосы завязаны в хвост, длинный сарафан в цветочек. У нее такой беззаботный вид, что я злюсь еще сильнее.

– А я уже думала, что ты тут больше не работаешь.

– В каком смысле?

– Последние несколько раз, когда сюда приходила, тебя не было.

– Ты приходила? – Я поражен. Она вернулась? Я ее не отпугнул?

– А почему нет? Ты думал... – Тамсин не заканчивает фразу, потому что я внезапно оказываюсь перед ней и заключаю в объятия. Что бы на меня ни нашло, ощущение невероятное. Тамсин нежная и теплая, как солнце. Мои руки не ведают, что творят. Я не ведаю, что творю. Скорее отпускаю ее и отворачиваюсь, так как к лицу приливает волна жара. Она вернулась. Несмотря на то что я – это я. Значит, она мне верит?

Подойдя к ноутбуку, я быстро его захлопываю. Тамсин, придя в себя, делает шаг в зал.

– Естественно, я приходила, – тихо говорит она и улыбается. А потом спрашивает: – Ну, что скажешь? Мне налью кофе?

– Конечно, – отвечаю я с облегчением. Она снова идеально разрешила неловкую ситуацию, которую я создал.

– К сожалению, мне надо убегать. У меня встреча с рабочей группой в университете. Но я хотела кое-что тебе передать. – Она выходит на улицу и возвращается с картонной

коробкой, которую ставит передо мной. Затем берет кофе, который я приготовил, и снова улыбается мне. – Надеюсь, все нормально, – добавляет Тамсин. – До скорого. – Она разворачивается и покидает кафе.

С ума сойти. Когда вижу Тамсин, все становится громким, красочным и живым. А когда она уходит, мир вокруг ощущается как эхо ее присутствия.

Я снимаю с коробки крышку. На самом верху лежит неаккуратно вырванный из тетради листок:

«Надеюсь, ты не поймешь это неправильно. Но ты и правда теперь ничего не пропустил.

Тамсин XXXX».

Я сбит с толку. В коробке лежат DVD, книги, CD, распечатки из онлайн-газет. Я достаю «007: Координаты „Скай-фолл“», «Ла-Ла Ленд» и диснеевский мультфильм «Холодное сердце». Затем «Пойди поставь сторожа» Харпер Ли. «Убить пересмешника» я читал не меньше четырех раз! Не знал, что она написала еще книгу. Далее нахожу «Виноваты звезды». Об этой книге я слышал. А вот и лучшие хиты Дэвида Боуи, завернутые в распечатанный некролог. И вдобавок еще один сингл. Call me maybe. На него приклеен стикер с пометкой: «Осторожно, прилипает».

В горле образуется ком, и я с трудом сглатываю. *Никогда* никто не делал для меня чего-то настолько прекрасного. А я думал, что она такая же лицемерная, как остальные.

Сделав глубокий вдох и выдох, прижимаю ладони к глазам, пока все не начинает расплываться.

Не могу дождаться, когда вернусь домой. На лестнице перепрыгиваю через две ступеньки. Потом одной рукой осторожно поддерживаю коробку Тамсин, а другой ищу в кармане ключ от квартиры. Запахавшись, распахиваю дверь. Мне хочется уйти в свою комнату с этими сокровищами, разложить их перед собой, ощупать обложки книг. До сих пор не могу поверить, что Тамсин сделала это для меня. Даже зная, кто я. Или, может, как раз поэтому?

Открыв дверь, понимаю, что я не один. Из кухни доносятся звуки. И... да, пахнет едой. Какого черта?

В дверном проеме появляется чье-то лицо. Малик. Со всем забыл, что сегодня у меня должен появиться сосед.

– Привет, – робко говорит он и поднимает руку.

– Привет, – отвечаю я.

– Прости, надеюсь, ты не против. Я приготовил омлет. Если хочешь есть...

Я прочищаю горло, понимая, что меня застигли врасплох. Само собой, он может готовить омлет. Он ведь тоже тут живет.

– Без проблем, – заверяю я и собираюсь сказать, что уже поел. Но что-то во взгляде Малика заставляет меня передумать. – Если хватит на двоих, я с удовольствием попробую.

– Конечно, мужик. Круто, – ухмыляется он.

Отставив коробку, следуя за ним на кухню, где пахнет восхитительно. У плиты лежит луковая шелуха. Стол уже накрыт на двоих, будто Малик меня ждал.

– Честно говоря, не знал, чем мне еще заняться, – признается он, глядя на сковородку. – В тюрьме я работал на кухне. Думаю, готовка стала для меня нормой.

– Не жалею, – откликаюсь я и вижу радость у него на лице.

Похоже, Малик – моя полная противоположность. Выйдя на свободу, он сразу знает, чем себя занять. Это достойно восхищения. Глаза у парня светятся, когда он снимает сковороду с плиты и ставит на стол. Движения плавные. Словно он всю жизнь только этим и занимался, и мне кажется, что он был здесь всегда. Малик прекрасно вписался в нашу маленькую кухню, хотя он высокий – почти два метра, не меньше, – и широкоплечий. Он ставит дымящийся омлет на стол, и мы садимся.

Несколько секунд едим молча, после чего он произносит:

– Старик, я рад тебя видеть. Когда Эми сказала, что мы будем жить вместе, я подумал: «Да, мужик, наверняка все будет хорошо». О тебе много чего рассказывали, знаешь. Что ты тогда с Ган...

Поднимаю руку и жестом прошу его замолчать. Не хочу это обсуждать. Не хочу слышать это имя.

– Не надо! – быстро говорю я. А потом добавляю: – Это было давно.

Он не может знать, что со мной происходит, когда я вспоминаю об этом. Да даже то, что Малик сидит здесь, со мной за столом, – уже слишком. От образов прошлого по спине бегут мурашки. Я слышу насмешки и хохот сокамерников, вижу их склоненные надо мной лица. Слышу свои крики, отчаянные рыдания. Чувствую ожоги на коже. Но мне не хочется портить Малику первый день на свободе, поэтому я прогоняю это воспоминание. Надеюсь, оно не вернется.

– Нет проблем. Только хотел сказать, что я тебя уважаю. Все тебя уважали. Мало кто из белых может этим похвастаться, – ухмыляясь подмигивает он мне. Потом возвращается к еде и, продолжая жевать, добавляет: – Мужик, говорю тебе, на этот раз все будет по-другому. На этот раз у меня получится.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не в первый раз выхожу на свободу. Сидел два года. И все потому, что был в машине у кузена, когда этот раздолбай с парочкой приятелей ограбил автозаправку. Мне еще повезло. Он до сих пор сидит. – Малик расплывается в улыбке, хотя два года тюрьмы не представляются мне особой удачей. Заметив мой вопросительный взгляд, он объясняет: – Мы собирались немного покататься. Мой кузен, два его дружка и я. А потом им пришла эта гребаная идея. Я сказал, что не хочу, но они загорелись. Будто под наркотой. Может, и правда перед этим чем-то закинулись. В общем, они заставили меня быть водителем. А я, идиот, решил, что, если

не сяду за руль, из-за меня кузен попадет за решетку. Ирония судьбы. А пару месяцев назад меня снова посадили за кражу. Если однажды попал в систему, старик, больше ничего не можешь себе позволить. Хотел сделать подарок младшей сестренке – и вуаля, вернулся туда же. Но теперь я все понял. И больше они нас не увидят, мужик. Я прав?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.